

Ренат Янышев

18+

Законам Мерфи вопреки

Ренат ЯНЫШЕВ

Законам Мерфи вопреки

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Янышев Р.

Законам Мерфи вопреки / Р. Янышев — «ЛитРес: Самиздат»,
2009

«Глубоко копать – до черта докопаться можно». Этой мудростью пренебрегла главная героиня, решившись на психотренинг в частной фирме. А тут ещё и пословица «мой дом – моя крепость» не выдержала проверку. Выяснилось, что недавно приобретенная квартира – не крепость, а проходной двор, да еще и со своими старыми тайнами...

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	35
ГЛАВА 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

ЗАКОНАМ МЭРФИ ВОПРЕКИ

ГЛАВА 1

Первый закон Мэрфи:

**«Если какая-нибудь неприятность
может случиться – она случается».**

Вечером последнего августовского дня, в открытом кафе рядом с площадью Искусств, состоялась конференция на тему «Сравнительный анализ психологических аспектов летнего отдыха за границей». На конференции присутствовали: я (с докладом об Анталийском побережье Средиземного моря), Алёна (она ездила с семьёй в Италию) и Оксана с кафедры возрастной психологии, навестившая в июле израильских родственников своего мужа.

Основным тезисом моего выступления явилось утверждение, что с родственниками ездить в путешествие – только настроение себе портить...

– Вы представляете? – патетически восклицала я. – Этот гад Верницкий дорвался до турецкой кухни и окончательно всякий стыд потерял. У нас ведь были путёвки по принципу «всё включено»! Тут ему карта и пошла! И провёл он обе недели: или на пляже пузом кверху, или за столом в ресторане, объедаясь всякими вкусностями. Даже на экскурсии отказывался ездить. Гад! Толстый стал как бочонок, сил нет смотреть!

И я подтвердила это фактами. Подруги, внимательно рассмотрев на фотографиях моего муженька, явно возмечтавшего стать вторым Гаргантюа, лишь многозначительно приподняли брови и сочувственно повздыхали.

– Может его на липосакцию отправить? – подумав, предложила Алёна.

– Ага, так он и пошёл! – ехидно отозвалась Оксана. – Они же все себя красавцами считают! Только если под конвоем, по решению суда. Ладно, подруги, давайте лучше выпьем за то, что господь снабдил нас, баб, долготерпением и розовыми очками. А иначе бы давно разразилась война полов.

– В которой мы бы обязательно победили! – тут же уточнила Алёна.

Мы с удовольствием выпили и некоторое время подискутировали, что феминизм, как требование полового равенства изжил себя. На повестке современности должна остаться только одна идея. Идея полового рабства, то есть матриархат, возведённый в абсолют.

Нам это так понравилось, что мы заказали ещё по одному коктейлю.

– А Наташка? Она же мне всю кровь выпила, – продолжила я выступление. – Под конец меня уже просто трясло.

– Поступки наперекор, – решила уточнить Оксана, – или отрицание всего на свете?

– Конечно! – ответила я. – Ну вот представьте себе... Там, в ресторане отеля официанты были как на подбор – молоденькие! Естественно в фесках, шароварах. Лет по семнадцать – двадцать, не больше. Кстати там был такой красавчик!!! Глазищи черные как ночь, и с грустинкой лёгкой! Ресницы длиннющие (заметьте, без всякой туши)! А стройный! Талия поясом шелковым затянута так, что я сама себе короной казалась. Щёки же – точь в точь спелые персики. Ой, девчонки, как этот Али входил в зал, я сама не своя делалась. Да что я. Рядом две старых немки столовались. Так они только что по стойке смирно не вставали при его появлении... Жаль, ориентация у него нестандартная оказалась...

– Ну вот, так всегда, – съехидничала Алена. – Романтические порывы Верницкой были отторгнуты суровой прозой жизни.

– Не отвлекайтесь! – вернула нас к первоначальной нити разговора Оксана. – Что там с Наташкой приключилось? Подростковый нигилизм, осложнённый первой любовью?

– Нет, конечно, – испуганно открестилась я. – Окстись! Только этого мне не хватало. Так вот, об официантах. Они все неплохо знали русский язык. А главное, у них видимо, была

инструкция говорить дамам комплименты. Прибавьте сюда восточную кровь. Знаете, это очень приятно, когда заходишь в ресторан, а тебе что-нибудь этакое скажут...

– Например, – потребовала Оксана (она всегда отличалась любовью к мелочам).

Я с готовностью припомнила парочку комплиментов:

– Один мальчик мне заявил, что теперь каждый закат будет напоминать ему о моих волосах! А другой как-то раз выдал, что из-за моих зелёных глаз чуть не разлюбил невесту!

– Вот шельмец! – прокомментировала Алёна, а немного поразмыслив, добавила: – Но красиво. Не иначе, как для них кто-то специально тексты пишет.

– Не думаю, – отозвалась я и достала из сумочки остальные фотографии с турецкими видами.

А в качестве главного козыря последней выложила карточку, где я стояла под руку с вышеупомянутым Али.

Алёна слегка повела подбородком и сглотнула слюну при виде моей пассии. Будучи истинной блондинкой, она испытывала неодолимое влечение к жгучим брюнетам.

– Да уж, – слегка севшим голосом подвела она итог осмотру, – он действительно так же красив, как на фото?

– Ха! – саркастически усмехнулась я. – Это фотография не передаёт и четверти его обаяния!

У Алёны загорелись глаза:

– Решено! В следующий отпуск еду в Турцию. Скажешь потом координаты фирмы и название отеля, где отдыхала. И вообще ты дура, Лерка! Надо было употребить все силы, но повлиять на ориентацию этого правоверного!

– Ага! – уныло отозвалась я. – А Верницкий?

– Ой, ой, ой! – стала ехидничать Алёна.

Но разгореться конфликту не дала Оксана. Она уставилась в какие-то заоблачные дали невидящим взором и мечтательно произнесла:

– А какого я македонца встретила!

– Где? В Израиле? – хором воскликнули мы с Алёной.

– Да. Красив, как бог! Как подумаю, что уже никогда не увижу его, сразу тоска берет. У меня ведь даже фотографии его не осталось на память. Он монах православный. Аскетствует при одном монастыре. Я с ним познакомилась на экскурсии. И потом ещё раза три видела...

– Ну, девчонки! – расхохоталась Алёна. – Одна влюбилась в голубого, другая в монаха...

И тут же оборвала смех:

– А мне и похвастаться не чем... Да ну их, этих мужиков. Давай лучше про Наташку свою расскажи. Чем она тебе досадила.

– Да всем, – отмахнулась я. – Первую неделю она ныла, как ей надоели эти турки с комплиментами. Как её это бесит! Ах, избавьте ее от такого внимания! А они действительно ухаживали вокруг неё. Правда, очень вежливо и неназойливо. У нас ведь отель прямо у моря стоял, так Тарик (был один такой выюнош) на пляж ей таскал коктейли и фрукты. Сам!

– Да какое сам! – скептически отозвалась Алёна. – Менеджер приказал.

– А хоть так, – покладисто согласилась я. – Всё равно это было чертовски приятно. Зато вторую неделю она извела меня тем, как ей не хочется домой. Стала кокетничать с этими мальчиками. А наедине со мной постоянно ныла, зачем я её привезла в Анталию? Зачем она увидела, какими могут быть вежливыми и приятными мужчины? Да она теперь на русского вовек не взглянет.

– Ну и предложила бы ей остаться в гареме, – сострила Алёна.

– Предлагала. Только она всё равно не затыкалась. И каждые пять минут выкидывала фортеля: то она пойдёт на пляж, то не пойдёт, то ей нужен новый купальник, то ей не нравится своя внешность. Короче! – закончила я свой доклад. – Я поняла, что в отпуск за границу надо

ездить не семьёй, а небольшой, уютной компанией. Надо жалеть свои нервы. Вот такое моё предложение. Как вам?

И Оксане и Алёне очень понравился полет моей мысли, и мы выпили за то, чтобы в следующем году отправиться куда-нибудь втроём.

Затем, как водится, настал черед немного посплетничать, а когда по полотняной крыше шатра над нами забарабанили капли, то разговор сам собой затих. Мы с удовольствием помолчали, слушая извечную петербургскую мелодию. Дождь успокаивал, убаюкивал, и лёгкий ветерок, пролетая мимо нашего столика, доносил запах мокрого асфальта и посвежевшей листвы.

Я с наслаждением вдохнула и, закрыв глаза, вновь представила себе воды Анталийского залива...

– Господи-и-и! – вдруг заголосила Оксана.

Я очнулась от воспоминаний и вопрошающе воззрилась на подругу. Парочка пожилых американцев, что сидели за соседним столиком, идиотически улыбаясь, уставились в нашу сторону, но я весьма выразительно на них взглянула и они сочли за лучшее отвернуться.

– Господи-и-и! – вновь, уподобившись деревенской кликуше, взвыла Оксана и закачалась из стороны в сторону, в порыве захватившей ее тоски: – На работу-то как не хочется!!!

– Странная ты, Оксанка, – заметила Алена. – Можно подумать, мы рвёмся в альма-матер. Да под твоим лозунгом девяносто процентов населения страны подпишется.

Упоминание о работе не добавило веселья в наше заседание. И вскоре конференция досрочно прекратила свою работу. Мы выпили по расходному коктейлю и поскольку запасы воды у небес иссякли, побрели к Невскому проспекту. От асфальта парило, по тротуарам и газонам суетливо прыгали воробьи, и на мгновение вдруг почудилось, что лето никогда не кончится. И так захотелось, чтобы вновь пошёл ливень и вымочил меня всю-всю! До последней ниточки! Зачем? Не знаю...

Увы, моим надеждам не дано было осуществиться. Пришлось сесть в маршрутное такси совершенно сухой. Ну и пусть...

Дома всё было как всегда. Верницкий, уподобляясь Гарфилду, валялся перед телевизором. Натка сидела, как сыч, в своей комнате. Спать не хотелось совершенно, тогда я отправилась на кухню и решила, наконец, сварить варенье из слив, купленных вчера на рынке. Сиамская, спавшая на диванчике, подняла голову и шумным зевком приветствовала меня. Выпустила когти, потянулась и вновь задремала.

Руки, предоставленные самим себе, резали ягоды, вытаскивая из них косточки, а перед глазами неотрывно стояло воспоминание, как я однажды глубокой ночью выбралась из отеля на пляж через окно (архитектура нашего отеля позволяла осуществить подобную вылазку). Вокруг расстилалась умиротворяющая нега, мир замер в предраассветной тишине и ни единой живой души вокруг! Я сидела на песке, слушая мягкий шелест прибоя, и смотрела на южные звезды. И было так упоительно хорошо, что я не стала возвращаться в отель, а устроилась спать прямо на песке. О последствиях, увы, не подумала – утром меня обнаружили уборщики пляжа. Кхм! С тех пор я находилась под неусыпным наблюдением работников отеля. Ерунда. Зато мне посчастливилось выспаться у самого Средиземного моря!..

Бегство в прошлое было прервано шарканьем, раздавшимся из коридора – это мой благоверный решил устроить перекур. Он протиснулся на кухню, согнал с дивана Кэри, шумно позевал, похлопал себя по ненавистному животу и как ни в чем ни бывало, спросил:

– Ну, может, чего перекусим?

Я не спеша отложила нож и, кивнув на настенные часы, показывавшие полдвенадцатого, с наслаждением сложила из пальцев выразительную фигу.

– Ну ладно, – пошёл на попятную Сергей. – Я просто так спросил. Чайку-то хоть можно хлебнуть?

– Сам, – разрешила я и продолжила работу. – Да, кстати, мне никто не звонил?

– Ах да, – сделал вид, что только сейчас припомнил, изверг рода человеческого, – тобой этот... твой бандюган интересовался.

– Миша что ли? – не поверила я своим ушам. – И что он сказал?

– А что я его расспрашивать должен? Нужен он мне больно, – стал ерепениться Верницкий. – И когда эти ваши шашни прекратятся?

– ЧТО? ОН? СКАЗАЛ? – твёрдо, но пока спокойно, переспросила я.

– Да ничего особенного. Чтобы ты ему перезвонила, как сможешь.

Я досчитала в уме до двадцати, перевела дух и решила не идти на конфликт. Во мне ещё сохранялась лёгкая меланхолия, вызванная воспоминаниями о Турции, и менять её на боевую злость не хотелось совершенно. Да и нужно ли? В конце концов, я сегодня с подругами проводила лето...

...За три дня до начала нового учебного года я посетила Гостиный двор с целью обновить свой гардероб. Первоначально мои притязания не превышали трёхсот условных единиц. Но, как на грех на моем пути оказался отдел эксклюзива из Англии. Здесь я решила задержаться, здесь и осталась. Перешла так сказать, свой Рубикон. Когда мне вынесли костюм глубокого синего цвета, то, не коснувшись его ткани, я поняла: «МОЕ!». Господи, английская шерсть есть английская шерсть. Впрочем, туманный Альбион всегда славился не только качеством тканей, но и своими портными. Смотрясь в зеркало, я окончательно убедилась, что этот костюмшили именно для меня! А пока я любовалась своим отражением, расторопные продавцы подобрали и великолепный шарф.

– Не желаете ли ознакомиться с нашей коллекцией обуви? – полюбопытствовали они, когда я во второй раз вышла из примерочной кабинки.

– Желаю, – милостиво согласилась я и приступила к ознакомлению.

В конце концов, сколько лет я мечтала купить настоящие английские туфли. И вот свершилось! Элегантные чёрные туфли из мягкой кожи совершенно не чувствовались на ноге. И тут же стало ясно, что они не будут натирать мои бедные ноги! Естественно, пришлось дополнить наряд стильной чёрной сумочкой.

Как мне захотелось в тот миг, чтобы меня увидел кто-нибудь из знакомых. Например, Константин Эдуардович! Он бы сумел оценить! Я всегда ощущала себя женщиной, мне нравилось нравиться мужчинам. Но в этом костюме я впервые поняла, что значит быть Женщиной с большой буквы! И не просто Женщиной, а настоящей леди! Да, я всегда ощущала в себе ростки аристократизма, но только сейчас они дали свои всходы. Вот как одежда меняет человека! Боже мой, наверняка кто-то из моих предков был благородных кровей, просто из-за революции скрыл своё происхождение, а мне сообщить об этом забыли!

Но за всё приходится платить. Я не стала исключением. Чтобы гусеница превратилась в бабочку, следовало выложить всего-навсего тысячу семьсот двадцать условных единиц! Что лукавить, подсознательно я предполагала нечто подобное, когда входила в это вместилище соблазна. Поэтому я, почти не колеблясь, протянула продавцу свою банковскую карточку «Visa»:

– Принимаете?

Он согласно кивнул и занялся манипуляциями по сокращению моих валютных запасов. Две девицы упаковали мои приобретения в красивые пакеты и я, внутренне холодея от совершенного шопинга и, отгоняя противный рефрен «а может отказаться, пока не поздно?», поспешила к ласточке. Правда по пути не удержалась и прикупила парфюм.

Дома, разумеется, случился небольшой скандал. Хотя Серёжка в одежде понимает ровно столько, сколько наша сиамская в ядерной физике, всё-таки я решила показаться ему во всей красе. Переделалась на кухне и вышла в гостиную. Наташка завертелась рядышком, поскуливая от возбуждения. А Сергей только мазнул равнодушным взглядом, похмыкал понимающе и, пробормотав:

– Нормально! Одобряю! – вновь уставился в свой телевизор.

Вот тут моя анима, сбросив путы профессиональных навыков, и сорвалась. Я схватила первую же попавшуюся книгу пообъёмистее и швырнула в этого борова:

– Господи! Как я тебя ненавижу! Нормально, значит? Ты хоть можешь представить себе, сколько это стоит?

Это его проняло. Он вскочил, потирая ушибленное место, и закричал в ответ:

– Да ты что, сдурела что ли?

Но, завидя моё рассвирепевшее лицо, сбавил обороты и поинтересовался:

– Ну и сколько это всё стоит?

И я, торжествуя, ответила – сколько. Он поверил, и начался скандал.

Он кричал, что я решила разорить семью, что раз я столько времени с психами вожусь – у меня самой крыша поехала! И всё в таком же духе.

Но поле битвы осталось за мной. Я посвятила его в некоторые секреты семейной бухгалтерии, как по статье расходов, так и по источникам поступлений. Он сник, и я закончила свой спич:

– Не беспокойся, голодным не останешься! На твою любимую картошку у нас денег пока хватает.

С Наткой тоже нехорошо вышло. Она захотела примерить костюм и для достижения цели стала подлизываться. Но тщетно! Осознавая, что любимая доченька уже переросла меня в габаритах, я строго-настрого ей запретила даже думать об этом. Короче, обидела наследницу. А тут сиамская решила было испытать на прочность ткань и запустила в неё когти, за что и получила. Вот такая вышла история...

...Зато первого сентября весь институт по достоинству оценил мой новый костюм. Я гораздо больше походила на руководителя института, чем Маргарита Васильевна Белявская, наш новый ректор.

– Ты выглядишь, не просто шикарно, а умопомрачительно! – восхищённо протянула Алена, когда мы встретились утром перед торжественным собранием. – Если вздумаешь умереть: знаешь, кому оставить костюмчик?

– Тьфу на тебя, – только и нашла я, что ответить.

Поскольку в этот знаменательный день занятий не было, то я для приличия какое-то время поизображала бурную деятельность на боевом посту но, улучив момент, решительно смылась. Накануне я обзавелась новинкой одного филолога-востоковеда и по дороге домой сладострастно предвкушала, как устроившись на диване в уюте и благодной тишине, посвящу досуг чтению. Верницкий домой вернётся поздно. Натка после школы наверняка пойдёт гулять с подругами. Так что покой мне обеспечен.

Дома я первым делом на кухне поставила греться суп, и лишь затем пошла в комнату переодеваться. И вдруг, в тот момент, когда я осталась в неглиже, мне послышалось, будто скрипнула дверь в ванную комнату, а мгновение спустя гулко хлопнула входная дверь.

Я замерла, насторожившись! Сквозняки у нас не гуляют, да и двери сами по себе прежде не распахивались. Моё сердце сначала ухнуло прямо в пятки, а потом вернулось на место и заколотилось как бешеное. Дыхание перехватило, и я лишь теперь поняла выражение «Страх сжал горло». КТО-ТО ЧУЖОЙ В ДОМЕ! Я заметалась по комнате и, схватив портновские ножницы, приготовилась обороняться. Однако спустя несколько секунд, когда стало ясно, что убивать меня никто не собирается, осторожно выглянула в коридор. Но там никого не было!

Тогда я, накинув халат, и крепко сжимая ножницы, отправилась на разведку. Дверь в ванную комнату действительно оказалась приоткрытой. Мне стало дурно. Перехватив поудобнее ножницы, я быстро осмотрела кухню, заглянула в туалет и Наткину комнату и даже распахнула шкафы. Но никого не обнаружила. Мистика какая-то получается. В потусторонние силы я не верю. Следовательно, здесь побывал человек. Но единственным свидетельством того,

что кто-то проник в мой дом, были открытая дверь в ванную и звук захлопнувшейся входной двери. Я стала запира́ть дверь на дополнительную внутреннюю щеколду и тут меня осенило! Это был вор!

Я тут же устроила мини-расследование, чтобы оценить размеры причинённого убытка, но уже через десять минут впала в прострацию. Ни на первый взгляд, ни на второй грабитель ничего не взял. Ни ценности, ни вещи, ни деньги, ни аппаратуру. Да и следов пребывания наподобие вывернутых ящичков, взрезанных подушек и выпотрошенных фотоальбомов чужак не оставил.

И тут до меня дошло, что я не вижу Кэри. Начались новые поиски. По счастью, сиамская вскоре обнаружилась. Вся взъерошенная, она заби́лась в угол за диван и не собиралась оттуда вылезать. Кое-как я сумела откатать от стресса бедную кошку. Судя по всему, ее что-то сильно напугало.

Это окончательно подорвало моё настроение. Кто-то чужой ходил по моему дому! Касался своими грязными лапами моих вещей! Брр, мне стало до того неприятно, что захотелось срочно залезть в душ. Но самое поганое заключалось в том, что я даже не знала к кому обратиться за помощью.

В полицию? Смешно. Что я расскажу? Что слышала, как захлопнулась входная дверь? И моя кошка явно чем-то напугана? Они меня высмеют, и будут правы.

Позвонить своему криминальному клиенту? Так ведь совестно соваться к нему с такой чепухой. И так всю весну ему надоедала. Да и он в лучшем случае посоветует сменить замки. А до этого я и сама могу додуматься.

Кроме того, чем дольше я стояла под душем, тем более непонятно выглядело происшествие. Почему грабитель убежал? Меня испугался? Ерунда! А может это не грабитель? Тогда кто? Спецслужбы не интересуются бедными психологами. А если и интересуются, то более квалифицированно. Так что предъявить мне потенциальному слушателю нечего! Одни домыслы. Хотя так хотелось кому-нибудь пожаловаться, чтобы меня пожалели. Увы! Даже Верницкий, и тот не поверит, ещё и на смех поднимет.

Поразмыслив немного, я решила никому ничего не говорить...

... Пока я мылась, суп перекипел и залил всю плиту, что лишь увеличило мой гипотетический счёт к тайному лазутчику. Прибравшись, я решила присовокупить к своему обеду антидепрессант. Так что, после третьего бокала я стала смотреть на ситуацию более отстранённо и иронически. Ничего страшного не случилось. В конце концов, поменяю замки, а то и на сигнализацию квартиру поставлю. Вот как!

... Лишь ближе к вечеру я вспомнила, что забыла позвонить своему самому большому клиенту. Самому большому – следует понимать в буквальном смысле. Рядом с ним я выглядела пигалицей. Он весил в три раза больше меня, а перерос на целых сорок сантиметров. Ужас.

– Добрый день, Валерия Михайловна, – загудела знакомыми вибрациями трубка в ответ на мой вызов. – Поздравляю с первым сентября! Как настроение?

– Спасибо большое, Миша! Настроение восхитительное. А как у вас?

– Да тоже неплохо. Кислород мне за лето никто перекрыть не пытался. Ну, я и воспользовался затишьем – немножко грошиков скопил.

Я несколько удивилась:

– Миша, откуда у вас этот лексикон? Вы долго общались с врачом из Малороссии?

Он охотно рассмеялся:

– Что-то вроде этого! Неужели так заметно?

– Да, – ответила я. – Но из прошлых наших бесед у меня сложилось впечатление, что вы не восприимчивы к диалектным оборотам и словечкам.

Он вновь довольно расхохотался:

– Бросьте. Как говорила одна моя рыжеволосая знакомая в одну из наших первых встреч, «человек, не способный развиваться, обречён на поражение», и добавляла при этом, что «развитие включает в себя и изменение, то есть личностные метаморфозы». А это, дескать, обеспечивает дополнительную мобильность не только в бизнесе, но и просто по жизни. Я правильно всё запомнил?

Чёрт, чёрт, чёрт! Опять я подставилась! С Мишей всегда так. Вроде бы и в шутилой форме, но он частенько умудрялся вставить мне шпильку. Обидно, да? Или я слишком сильно рефлексирую на его высказывания? А он ничего такого и не думал? Но нет. С Михаилом Александровичем Черкасовым ни в чем нельзя быть уверенным. За моими хрупкими плечами – институт по психологии и небольшая практика, сопряжённая с преподаванием. За его плечами, которым позавидовал бы любой штангист, – трёхкратное посещение заведений отечественной пенитенциарной системы. А к настоящему времени он вырос до руководителя большого (я бы сказала, многочисленного) мужского коллектива, что несомненно свидетельствует о его выдающихся личностных и интеллектуальных качествах.

Фу! Надо взять себя в руки:

– Да, вы правильно запомнили! И я рада, что мои слова претворяются в практическом смысле. Только есть неточность – изменения всё-таки предполагались в большей степени коммуникационные, а не лингвистические. И, кстати, мои волосы не рыжие, а каштановые с бронзовым отливом.

– Всё, всё, всё! Сдаюсь! – подвел итог телефонному диспуту Миша. – А звонил я вот по какому поводу. У вас найдётся завтра время для встречи?

Я прикинула свои дела на вечер и ответила, что освобожусь часам к пяти.

– Замечательно! – обрадовался он. – Знаете такой бизнес-центр «Бастион»? Нет? Это рядом с набережной Робеспьера. Да там указателей полно – мимо не проедете. Вот там я и буду вас ждать. Пока.

И Миша, заинтриговав меня, отключился.

ГЛАВА 2

Пятое следствие из закона Мэрфи:

«Предоставленные самим себе, события имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему».

К назначенному часу я выворачивала ласточку с набережной Робеспьера в переулок к зданию, явно находящемуся под охраной государства. Но в отличие от своих нищих собратьев этот особнячок, по виду относящийся к началу девятнадцатого века, содержался в образцовом порядке, будто был только-только построен. Да и сам переулок поражал изысканностью. Все шесть домов были отреставрированы и сияли свежей покраской. Везде царили тишина и образцовый порядок. Тротуары сплошь из гранитной плитки. У каждого подъезда – каменные урны. Кованые фонари повторяли орнамент козырьков над подъездами. Правда, кое-где ненавязчиво установлены камеры наружного наблюдения – но это дань времени. И на удивление мало машин. А те что есть, не брошены как попало, а аккуратно припаркованы. Европа, однако!

Я на мгновение застыла, соображая, где бы притулиться, но тут на дорогу выскочил охранник в чёрной форме и сделал приглашающий жест рукой. Я не стала жеманиться и свернула к проёму с открытыми воротами. Сразу за предупредительно поднятым шлагбаумом меня ждал ещё один страж. Он наклонился ко мне и, протягивая ламинированные карточки, произнёс:

– Здравствуйте, Валерия Михайловна! Вот вам парковочный талон. С-21 – это теперь ваше место. А это ваш пропуск, с индивидуальным кодом. Если потеряете, немедленно сообщите в нашу службу безопасности. А теперь спускайтесь по пандусу, там будут указатели. Если хотите, можете оставить парковщику ключи – и вашу машину помогут. Это входит в сервис. С левой стороны – лифты. Вас ждут на четвёртом этаже, в 412-ом офисе.

Сказать, что подобная встреча меня ошеломила, значит, ничего не сказать. Так что помолчу немного, тем более, что чудеса явно не кончились.

Поблагодарив охранника, я тронулась с места и, следуя стрелкам с надписями, отыскала парковочное место. Затем передала ключи подошедшему рабочему в спецовке и направилась к лифтам. Вызванный лифт оказался просторен, отделан настоящим деревом и зеркалами, и в своём чреве скрывал кадушку с каким-то представителем тропической флоры. Я потрогала листок и удивлённо констатировала, что растение оказалось живым, а не пластиковым подобием. Лифт тронулся совершенно бесшумно и плавно. А чего я ожидала?

Четвёртый этаж встретил меня безлюдьем, шикарными дверями, ковровыми дорожками и сдержанной отделкой стен. Никакого модерна. Скорее, декларативная строгость солидного, уважающего себя частного клуба.

Все двери на этаже были плотно закрыты, кроме одной, ведущей в офис под номером 412. Я подошла к ней и громко постучала.

– Входите, – раздался Мишин голос, и я последовала приглашению.

Перед моими глазами предстала небольшая приёмная, очень уютная и светлая. У окна – секретарский бастион с неизменным компьютером и прочими техническими новшествами и канцелярской атрибутикой. Сейчас вращающееся кресло за этой выставкой достижений современной микроэлектроники пустовало.

Миновав полуоткрытую дверь, я попала в просторный зал с тремя огромными полукруглыми окнами, начинавшимися чуть ли не от пола. От этого казалось, что помещение прямо-таки залито светом. У дальней стены стоял угловой, бежевой кожи, диван с двумя креслами, расставленными вокруг журнального столика, инкрустированного перламутром.

На диване расположились Миша с Константином Эдуардовичем и о чем-то беседовали. На обоих собеседниках были светлые рубашки с короткими рукавами, что свидетельствовало

о неформальном характере нашей встречи. А на подлокотнике одного из кресел красовалась незнакомая мне девица, выставив напоказ длинные ноги. Она рассматривала свои ногти, отчаянно зевая при этом. Ее короткая юбка и куцая кофточка были, на мой взгляд, совершенно неприличны, но, по крайней мере, наличествовали. Судя по внешности и повадкам, её лишь недавно увели с подиума и перековать в социально полезное существо не успели.

– О-о-о! Наконец-то, здравствуйте, Валерия Михайловна! – загудел гигант и стремительно поднявшись, двинулся ко мне навстречу. – Целое лето, считай, не виделись!

Он легко приподнял меня и поцеловал в щеку. Я несколько опешила от подобной фамильярности, но сдержалась. Сама ведь дала повод в прошлом году добавить к чисто профессиональным отношениям и приятельские.

– А загорели как! – восхищённо продолжил он, осматривая меня, словно на выставке. – Да и вообще, смотрите на тысячу баксов!

– На две! – буркнула я, поправляя помявшийся пиджак и заново перевязывая шарф.

– Что на две? – не понял Миша.

– На две тысячи долларов выгляжу, а не на тысячу! – наградила я его колючим взглядом.

– М-м-м! Оценил! – выпятил он челюсть. – Роскошно жить не запретишь.

– Скромность украшает мужчин, а не женщин, – парировала я.

Но тут в нашу разговаривающую перепалку вклинился приблизившийся Константин Эдуардович:

– Валерия Михайловна! Позвольте засвидетельствовать вам моё почтение!

И поцеловал мне руку. Затем, как бы в восхищении, покачал головой и добавил:

– Ах, Валерия Михайловна! Я прежде говорил, как вы обворожительны?

– Да, в одну из наших прошлых встреч, – улыбнулась я.

– Что ж, моё мнение только укрепилось! Вы бесподобны! Прошу вас.

И мы направились к дивану.

При нашем приближении девица нехотя встала и выжидающе посмотрела на мужчин.

– Как насчёт кофе? – поинтересовался Константин Эдуардович, едва мы расселись.

– Не откажусь, – согласилась я.

Тогда он повернулся к девице:

– Леночка, кофе для Валерии Михайловны, ну и для нас с Михаилом Александровичем как обычно.

– Хорошо, – процедила та сквозь зубы и удалилась.

Судя по всему, я ей активно не понравилась. Как впрочем, и она мне. Бывают ведь такие встречи, когда с первого взгляда возникает антипатия к человеку.

– Это ваша секретарша? – как можно более равнодушным тоном спросила я у Миши.

– Не-а, – усмехнулся гигант, и подбородком указал на своего помощника. – Эдуардыча.

Вот так вот. Ух, как меня это задело! Так проняло, что я не выдержала и брякнула, не подумав:

– Константин Эдуардович! Но это же моветон, окружать себя такими девицами. Это не соответствует вашему облику. Просто плебейство какое-то!

И тут же замерла от собственных слов. Но Константин Эдуардович лишь удивлённо усмехнулся и, откашлявшись, после небольшой заминки ответил:

– Ну, если перейти к историческим параллелям, то я бы это скорее отнёс к патрицианским привычкам. Однако я учту ваше замечание, Валерия Михайловна.

И мягко улыбнулся. Боже мой, как мне стало стыдно. Я принялась извиняться, но тут заговорил Миша:

– Так. Ша. Что-то наш базар никак не войдёт в нужное русло! Валерия Михайловна, вы чего это такая ершистая, словно недодрались с кем? Что-то случилось?

Ну вот, докатилась! Клиент начинает интересоваться проблемами собственного психотерапевта. Это уже ни в какие ворота не лезет. Надо брать себя в руки. Я глубоко вздохнула, зажмурилась и, резко выдохнув воздух, весело взглянула на своих собеседников:

– Здравствуйте! А вот и я! Не опоздала?

– Ни на секунду, – ответили мужчины.

Тут, весьма кстати, появилась Леночка и поставила передо мной чашечку кофе, сахарницу и блюдо с моими любимыми пирожными из французской кондитерской. Константину Эдуардовичу и Мише достались графин и бокалы, судя по всему, с коньяком, тарелки с лимоном и миниатюрными бутербродами.

– Ну, за встречу! – поднял Миша бокал, чокнулся с помощником и с удовольствием выпил.

Перед тем как попробовать кофе (кстати, сваренный просто замечательно), я с трудом удержалась от вопроса «Леночка, вы случайно не насыпали в кофе алмазной пыли?», но вовремя прикусила язык. К моему облегчению, эта особа вскоре удалилась в приёмную.

Некоторое время мы вели светскую беседу. Я поделилась впечатлениями от Турции, а Миша посвятил меня в истинную подоплёку некоторых интриг, развернувшихся в нашем городе из-за бурной деятельности, развёрнутой московскими бизнесменами. Константин Эдуардович по большей части молчал, лишь редкими репликами напоминая о своём присутствии.

После третьего тоста Миша обвёл зал рукой и спросил:

– Как вам, нравится здесь?

Я ответила, что да, конечно.

– Ну и замечательно. Вот здесь вы и будете работать.

– Что, что? – мне показалось, будто я ослышалась.

– Валерия Михайловна, вы что забыли, – удивлённо загудел гигант. – О чем мы весной договаривались?

Ох, именно это и произошло. Я совершенно выбросила из памяти наше соглашение о том, что с осени начну консультировать представителей «братвы», находящихся в подчинении у Миши. Но, чтобы не потерять лицо, пришлось слукавить:

– Помню, конечно, но ведь разговор шёл о предоставлении отдельного офиса?

– Видите ли, Валерия Михайловна! – заговорил Константин Эдуардович. – Мы несколько изменили намерения. Во-первых, здесь ваши беседы с «бойцами» будут гарантированно защищены от прослушивания. Во-вторых, я всегда буду рядом. Мой кабинет напротив. Ну и, самое главное, что вам в этом случае не придётся платить за аренду. По-моему, это весьма привлекательные условия.

Что мне оставалось делать? Без меня меня замуж отдали. Конечно, можно было бы немного, приличия ради, поартачиться. Но Миша и Константин Эдуардович в миг меня раскусят, и я сама же окажусь в глупом положении. А выглядеть глупой перед ними я больше не хочу! И, тем не менее, последнее слово должно остаться за мной:

– Только учтите, я смогу здесь бывать не более десяти часов в неделю. Скажем, понедельник, среда, пятница, с пяти до восьми вечера. И, поскольку мне не надо будет платить за аренду, один мой час будет стоить десять долларов.

– Замётано! Я так и прикидывал, – воскликнул Миша. – Итак, Валерия Михайловна всё, что я хочу от вас, очень просто. К вам приходят мои пацаны, вы их прощупываете на тему – может, у кого из них башню снести в самый ответственный момент или нет. И на какие зигзаги по жизни они способны. Чтобы знать и учитывать. Если мозги поддаются рихтовке – занимайтесь сколько надо. Свои выводы будете докладывать Эдуардычу. Все технические вопросы решайте через Леночку. Начиная с кофе и заканчивая вызовом бойцов на приём. Да кстати, когда сможете приступить?

И я бросилась с обрыва в глубокий омут:

– Да хоть завтра!

Он внимательно посмотрел на меня:

– Я за язык не тяну! Точно сможете?

Я утвердительно кивнула головой, тогда он удовлетворенно хмыкнул:

– Базара нет! И последнее. Вам сюда что-нибудь надо из оборудования?

Подумав немного, я осторожно попросила:

– Мне бы стол с компьютером и пару полок.

– Завтра же будет, – небрежно отмахнулся гигант. – Ну что, с первой частью покончили? Тогда приступим ко второй. Есть у меня одна маленькая проблемка. Тут года полтора назад Катюша загорелась идеей открыть туристическую фирму. Ну, захотела и захотела. Сама помещение нашла. Людей набрала. Фирма начала работать. Ну я, конечно, помог немножко...

– Михаил Александрович скромничает, – пояснил Константин Эдуардович. – Через знакомых мы организовали несколько договоров с турецкими и финскими отелями. Некоторых наших бизнесменов пришлось подвинуть. Не без этого – конкуренция, сами понимаете. Зато теперь в трёх турецких и двух финских отелях всегда зарезервированы для «Палладина» (это так фирма называется) примерно по двадцать пять номеров. Работай – не хочу.

– Во-во, – подтвердил Миша. – Фишка прёт невероятно! Мне это тоже понравилось. И я подумал, а что, если расшириться? Я бы им ещё направления подкинул, деньгами помог. Им всего-то навсего надо было дать согласие, да девочек дополнительно набрать. Но генеральный директор у них темнить стал – нет, дескать, не справимся. Короче, туфту погнал. Я к Катюхе – объяснил свои претензии, что к чему. Но она упёрлась, стала защищать своего выкорымыша. Раз Игорь Леонидович (так генерального зовут) так сказал, значит, так тому и быть. Ну что я с ней спорить, что ли буду?

– Формально там не к чему придраться, – вновь пояснил Константин Эдуардович. – Фирма абсолютно открытая. Работают на совесть, прибыль такая, что их впору представить к орденам. Да и коллектив утрясся уже. Короче, разгонять вроде не с руки. Но и отношение к предложению Михаила Александровича странное. Казалось бы, и думать нечего – надо соглашаться. Ведь в этом случае каждому обеспечено не только значительное увеличение зарплаты, но и карьерный рост. Ан нет...

– А на днях я встретился с одним своим приятелем, – вновь перевёл разговор на себя Миша. – Ну там по темам всяким поговорили. И случайно выяснилось, что у него схожая непонятка закрутилась с год назад. Все вокруг деньги делают, а его фирму как заклинило. Он весь в делах, а отдачи нет. И тут он с одним психологом пересёкся. Тот ему устроил, м-м-м... тренинг..., только не такой, что вы проводили в Катюхином агентстве три года назад, а название такое смешное... На «каучук» похожее...

– Коучинг, – подсказала я.

– Во-во! – обрадовался гигант. – Короче, этот коучинг помог ему. Вот тут и засвербела у меня мысль – а не устроит ли Валерия Михайловна в «Палладине» такой же коучинг? Я так понял из объяснений приятеля, что это что-то вроде промывания мозгов.

– Не так круто, – поморщилась я.

– Не суть, – махнул рукой Миша. – Так как?

– Ну, – протянула я. – Во-первых, это очень дорого.

Миша только презрительно сощурился.

– Во-вторых, – после паузы добавила я. – Я этим лично не занималась.

– Да ладно приbedняться, – подбодрил собеседник. – Если я умею стрелять из пистолета, то уж из автомата как-нибудь шмальну. Правда, Эдуардыч?

– Всё-таки, я бы хотела обдумать ваше предложение на досуге.

– Ну, хорошо, – хлопнул себя по колену Миша. – Завтра вы мне скажете своё решение? Поймите правильно, Валерия Михайловна. Я всё равно дожду «Палладина». Найду этих кау-

чуковых психологов и проблему решу. А для вас это шанс. А по деньгам мы с вами всегда легко договаривались. Ведь, верно?

Вот змей-искуситель. Я ведь сама уже год как мечтаю попробовать свои силы в коуче, просто никому не говорила. Тем не менее, я осталась внешне сдержанной и подтвердила, что дам ответ лишь завтра.

Мы вновь вернулись к обсуждению некоторых нюансов работы с подчинёнными Черкасова. Тут я потребовала в категорической форме, чтобы они заранее объяснили присылаемым ко мне людям о недопустимости применения идиоматических оборотов.

– Не хочется тратить время на разъяснение основ поведенческой культуры, – пояснила я.

– Никакого мата не будет, – успокоил меня Константин Эдуардович. – Это я беру на себя. Да, кстати, мой заместитель приготовил для вас дискету на первых десять кандидатов. Возьмёте у Леночки, а с утра позвоните ей и скажете, кого и во сколько вы хотите видеть. Она всё обеспечит. Ещё вопросы есть?

– Да, хотела спросить, – осведомилась я. – А что располагалось в этом помещении прежде?

– Бильярдная, – пояснил Миша.

Больше у меня вопросов не имелось. Так что, высидев для приличия минут пять, я засобиравшись домой. Миша с Константином Эдуардовичем, попрощавшись со мной, перешли в другой кабинет. Леночка уже держала наготове конверт с дискетой и при моем появлении молча вручила его. Настала пора покинуть бизнес-центр. Ласточка ждала меня чистая-пречистая. Охранник козырнул при выезде и, выскочив на набережную, я с удовольствием вдавила педаль газа до упора...

...По дороге я заехала в строительный маркет, чтобы прикупить новый замок. Естественно, пришлось разбираться с продавцом, никак не желавшим понять, что же именно мне нужно. Потом я прошлась по отделам керамики и обоев, приценившись к возможным затратам на ремонт, если я его вдруг затею, и наконец, вернулась на парковку. Однако здесь меня ожидал пренеприятнейший, просто-таки гадкий «сюрприз». Моя ласточка будто съёжилась, уменьшившись в размерах. А, подойдя ближе, я застыла как вкопанная: колеса моей машинки были спущены. Все четыре! В такую засаду я не попадала!

Летом как-то раз у меня прокололось колесо. Так мне его тут же заменили, стоило руку поднять. Но здесь одной запаской не обойтись. От осознания собственного бессилия я стояла и тихо ругалась, хотя ситуацию это никак не облегчало.

Завидя мои страдания, особи мужского пола охотно изъявляли желание мне помочь, но стоило им осознать масштабы трагедии, как весь их энтузиазм улетучивался напрочь. Они тут же спешили к своим авто и исчезали в глубине городских кварталов.

Мой разум никак не хотел выходить из ступора, и я продолжала испепелять гневным взглядом колеса, словно бы это могло их наполнить воздухом. И в этот момент меня окликнул мужской голос с давно забытыми нотками:

– Привет, Валерка!

Я резко развернулась на каблучках и не поверила своим глазам:

– Ротмистр?

...Боже мой, как он изменился! В его серых глазах не осталось ни грана от прежней веселости. Крылья носа хищно раздувались, будто вынюхивали опасность. Уголки губ опустились вниз, словно он разучился улыбаться. А виски уже совсем засеребрились, хотя он был старше меня всего на пару лет. Видимо, за эти годы он сполна хлебнул приключений, к которым его постоянно тянуло как магнитом...

– А я иду себе тихонько. Вдруг смотрю – вроде ты! Подошёл ближе, точно! Валерка! Чего рассиропилась? Колись быстрее, – он спросил меня так, словно мы последний раз виделись не шестнадцать лет назад, а вчера.

– Да вот, колеса все до одного спустились, – в тон ему ответила я.

– М-м-м! Вот как! – многозначительно промычал он, присаживаясь на корточки у машины. – Твой значит аппарат! Молодец!.. Ну, тут у тебя ерунда приключилась. Кто-то похулиганил – вывернул все ниппеля! Ну да ничего, дело наживное! У тебя хоть насос в багажнике имеется? Не дрейфь! Я скоро.

И с этими словами он исчез в ближайшем переулке, наверное, в поисках этих пресловутых ниппелей. Вскоре он вернулся и занялся колёсами. А ещё через четверть часа выпрямился и, отряхивая руки, сказал:

– Ну, вот и всё! С тебя вечер в каком-нибудь кабаке! Или ты к мужу торопишься? Есть муж-то?

И он, хитро сощурившись взглянул на меня.

– Есть, – подтвердила я. – Но я не прочь куда-нибудь заехать.

В «Швабском домике» оказалась совсем неплохая кухня, но главным достоинством было отсутствие посетителей. Мы устроились в дальнем зальчике, и проболтали весь вечер наперебой, вспоминая прошлое. Ростислав (производное – Ротмистр) рассказал о себе немного. После армии он какое-то время шлялся по Сибири и Дальнему Востоку, а потом устроился в свежее испечённое министерство чрезвычайных ситуаций. Покатался по белу свету, себя показал, людей посмотрел. А недавно уволился, и решил вернуться в родной город. Однако здесь, как оказалось, многое изменилось. Зато сегодня он встретил меня.

– Это гора с горой не сходятся! А мы люди, – подмигнул он мне и тут же угостил очередной байкой из своих впечатлений о Памире.

Мы бы долго сидели, но наверняка Верницкий дома уже начал волноваться, и я стала прощаться. Ротмистр заявил, что как только устроится на работу, позвонит мне. Я протянула ему свою визитку и, немного поспорив о том, кто будет платить (Ротмистр остался верен себе – «гусары с дам денег не берут»), покинула сие благолепное заведение.

Движение на улицах совсем стихло, и я неспешно покатила в сторону дома. Мысли мои естественным образом (под влиянием встречи) вновь устремились в прошлое.

...Сразу после школы я поступала в университет, но не преуспела в этом. Зато во время экзаменов познакомилась с такими же абитуриентами-неудачниками. Из нас получилась очень даже неплохая компания (на наш взгляд, конечно) и два года юной бесшабашной жизни без царя в голове пролетели как один день. Моё мудрое эго тут же сделало вывод: «Какой же я была душой!», затем поставило вопрос: «Куда смотрели мои родители?», а отсюда осталось не далеко до утверждения: «Своему ребёнку я такого не позволю!»

Ведь вспомнить страшно, как однажды ночью мы всей компанией сорвались с чьей-то квартиры, потому что Ротмистр и Поручик поспорили о том, кто из них не побоится прыгнуть с Биржевого моста. Спрыгнули оба.

А новые картинки уже теснились, выстроившись в очередь. Вот Ротмистр на спор лезет по балконам на крышу пятиэтажного дома. А вот он приходит в полицейской фуражке, произведя в нашей компании фурор. Как позднее выяснилось, он сорвал ее с головы подвыпившего полицейского и убежал, давясь от смеха. С морально-этическими нормами он никогда не дружил. Он легко мог украсть понравившуюся ему вещь, неважно где – в гостях или в магазине, а потом выбросить ее. Тогда мне это ужасно нравилось. Юношеский нигилизм и желание самоутвердиться любой ценой выглядели в моих глазах, как свидетельства его выдающейся исключительности и мужественности...

...На дорогу я смотрела, но почитай ничего не видела. Можно сказать, что доехала на автопилоте. Как ни в кого не врезалась?

ГЛАВА 3

Правило точности:

«Работая над решением какой-либо задачи, следует заранее узнать ответ».

Секретаря в приёмной не было, но дверь в мой новый кабинет была открыта, и без пяти-надцати пять, я уже сидела за столом, перечитывая данные на первого клиента.

«Виктор Чистяков. Кличка «Клещ». Возраст – двадцать семь лет. Образование – шесть классов. Отец бросил семью, когда ему было пять лет. В двенадцать лет остался сиротой. До службы в армии жил с бабушкой.

Здоров. Физически развит. Не курит. Пьёт умеренно. До службы употреблял лёгкие наркотики. Характер – взрывной. Не всегда может себя контролировать.

Исполнителен. Настойчив. С амбициями.

Есть сводная сестра. Замужняя, младше Клеща на четыре года. Есть постоянная подруга Светлана, работает в прачечной приёмщицей, младше Клеща на пять лет.

Проживает с подругой и ее родителями в трёхкомнатной квартире.

До службы начинал на подхвате у Гены Трёхпалого. После службы три года лохотронил у Апраксина двора. Затем контролировал торговые точки в своём микрорайоне. В это же время получил срок за ношение оружия. Просидел год. По возвращении и до сего дня – в мобильной бригаде.

В последнее время выражает недовольство. Считает, что дорос до уровня бригады».

Вот такие пироги. Я вывела фотографию на монитор и попыталась понять, какой он этот Клещ. Но не преуспела. Совершенно невыразительный парень, и глаза какие-то смурные. Может это фотография неудачная?

Пока я так размышляла, в дверь кто-то постучал и тут же стал открывать ее, не дождавшись моего разрешения.

На пороге появился парень в защитной униформе и кроссовках. Сломанные уши на стриженной круглой голове, напомнили мне юмористические картинки про инопланетян с трубочками вместо ушей. Он уверенно прошёл к моему столу и уселся на стул, перевернув его спинкой вперёд. Сцепил кисти с разбитыми костяшками пальцев, и упёрся в эту импровизированную подставку подбородком:

– Здрасьте! Я Клещ! Мне пацаны про вас все мозги запарили, но я так и не понял, кто вы. Типа училки в школе, или докторши в больнице?

– Ни то и ни другое. Меня зовут Валерия Михайловна. Я психолог. Психология, в переводе с древнегреческого – наука о душе...

– У-ё-ё! – презрительно скривился он. – Понял. Душа, чувства. Ясно. Во! Как гласит народная мудрость: чувствуют только...

И он выдал такой пассаж, что у меня аж зубы свело, но я спокойно решила уточнить:

– Виктор! Разве вам Константин Эдуардович не объяснял, что выражаться в этом кабинете строго-настрого запрещено?

Он тут же забеспокоился:

– А что я сказал-то? Я ж ничего лишнего? Это ж поговорка такая.

– Даже если бы это была цитата из Мао Цзэдуна. Здесь действует запрет на все крепкие и сальные выражения, отдельные слова и поговорки.

– Ладно, – пожал плечами Клещ. – А что делать-то будем?

– Давайте разбираться вместе. Вы сами почему сюда пришли?

– Ха! – рассмеялся над моей наивностью парень. – Раз Циклоп сказал, так попробуй не приди. Лучше сразу на рельсы лечь. В крайняк быки Немца так отметелят, что в больнице месяц валяться будешь.

– А кто такой Немец? – не поняла я.

– Помощник Циклопа. Я думал, вы знаете.

– Нет, в ваших кличках я не разбираюсь. Предпочитаю общаться по имени-отчеству.

– А-а-а! – уважительно протянул Виктор. – Понимаю. Тогда слушайте. Циклоп – это Михаил Александрович. Ну, за что его так прозвали понятно – за габариты и за шрам на лице. Это по слухам его в первую ходку так окрестили. А Немцем кличут Константина Эдуардовича. За то, что он из себя вечно иностранца корчит.

– Ясно, спасибо за информацию. И всё-таки, Виктор, хоть какое-то представление вы имеете о том, чем мы будем с вами заниматься?

– Не-а, – потряс головой парень.

– Хорошо, зайдём с другого конца. У вас есть какая-нибудь мечта?

Клещ вдруг подозрительно на меня посмотрел, напрягся весь, но смолчал. А я спохватилась:

– Ах да! Запомните, пожалуйста, Виктор, всё, что вы мне скажете – останется между нами. Это закон. И ни полиция, ни суд не имеют права заставить меня раскрыть содержание бесед с клиентами.

– Нормальное понятие! – сразу расслабился парень. – Что-то типа адвоката? Это точно? Но это вы с ментами можете кочевряжиться! А Циклоп пристанет?

– И вашим начальникам я тоже ничего не скажу. Им станет известно только моё общее заключение.

– Какое заключение? – вновь насторожился Виктор.

– Там я опишу ваши характер, особенности, способности.

– Ясно! Характеристика! Плавали, знаем, – тут вдруг он оживился и даже поёрзал на стуле. – А давайте договоримся, вы напишете про меня все хорошее, а я вам помогу потом. Ну там, кто-нибудь вас достал, так я его легко урою. Или ещё как. Могу помочь тачку сделать по знакомству, дёшево. Вы скажете какая модель там, цвет, год. И максимум через месяц у вас будет аппарат. С документами, все на мази...

– Не могу, – разочаровала я Клеща. – Вот, к примеру, вы покупаете незнакомую вещь, ту же машину. И продавец вам говорит: «берите, вещь замечательная». Вы поехали, а машина через неделю начала сыпаться и без конца в ремонте. Вам это понравится?

– Нет, я враз этого козла по асфальту размажу.

– Вот я и не хочу оказаться перед Михаилом Александровичем в роли этого козла.

– Гы, гы, гы, – захохотал над моей фразой Виктор, но потом до него дошёл смысл сказанного и он погрузился. – Жаль. Но я ж не машина. К тому же, меня что Циклоп, что Немец как облупленного знают. Уж сколько дел я провернул.

– Нет. Человеку только кажется, что он знает своих друзей, близких и подчинённых. На самом деле это лишь видимость. Обычно человек и себя-то не знает. Поэтому я здесь, помочь Михаилу Александровичу разобраться на кого он может рассчитывать.

– Понял! – отозвался Клещ. – Это у кого кишка тонка, скажем, заказ взять. Или кто колетса тайком. Или на стороне башляет. Так, да?

Да уж, в сметливости Виктору я отказать не могла.

– Так как, Виктор, поработаем вместе?

Вместо ответа он пожал плечами и кивнул головой.

– И всё-таки вернёмся к началу разговора. Какая у вас мечта? – вновь спросила я.

– Да вот Фольксваген Пассат новый хотел бы купить.

– Это не мечта, – оборвала я его.

– Ну тогда, если честно, я уж давно хочу бригадиром стать. Надоело быковать до чёртиков. У меня и пацаны верные на примете давно есть. Но Циклоп упёрся – пока верняк не придумаешь, говорит, откуда бабки тянуть – сиди и не рыпайся. Прямо не знаю что делать.

– Понятно, это так сказать, профессиональные устремления. А в личном плане? Можете открыться, вот так с ходу?

Он задумался, а потом уточнил:

– А смеяться не будете?

Судя по тому, как он забегал глазами по залу и, тяжело вздохнув, поелозил на стуле, сейчас начнутся интимные признания. Я не ошиблась.

– Жуть как хочется с негритянкой переспать! Вот тянет и всё. Вы не подумайте, у меня есть деваха. Всё пучком. Живём как люди. А вот тянет иной раз – сил нет.

– Ну! – протянула я, сохраняя спокойное выражение лица. – Такое стремление вполне объяснимо. Ничего страшного я здесь не вижу. Хорошо! Итак, будем отталкиваться от того, что имеем. Значит, у вас есть две мечты. И вы бы хотели их осуществить. Да?

– Конечно.

– Тогда я предлагаю вам следующий путь. Сегодня я вам дам несколько тестов. Потом обработаю их результаты и мы вновь увидимся с вами в следующую пятницу. Вот тогда и поговорим о вашем будущем. Согласны?

Последовал кивок головой. Тогда я выдала ему листы с первым тестом, подробно объяснила, как именно отвечать и заполнять бланки, и вышла в приёмную к Леночке. Настала пора наводить переправу, в конце концов, мне здесь работать. А работать нужно в условиях максимально комфортных.

Девушка явно маялась, не зная чем заняться. Про себя я с удовлетворением отметила, что сегодня ее наряд более соответствовал служебному статусу.

– Леночка, добрый вечер, – обратилась я к девушке с самой умильной улыбкой, на которую была способна. – А Константин Эдуардович у себя?

– Нет, – процедила она сквозь зубы.

– А можно вас попросить сделать мне кофе? У вас очень вкусный кофе. И, кстати, вы не составите мне компанию?

Она подозрительно глянула в мою сторону, затем нахмурилась, явно отыскивая подвох в моих словах, но всё же смиростивилась и, поднявшись со своего места, поплыла к выходу:

– Идёмте!

Мы вышли в коридор. Оказалось, что дверь напротив ведёт в небольшую кухню, совмещённую с обеденным залом на восемь мест. Кухня была современной, и даже на мой неразвитый вкус, чересчур современной, ибо вся сверкала от обилия нержавеющей стали. Даже двери шкафчиков были сделаны из нержавейки. И от этого кухня получилась холодной и неудобной. Я поёжилась от увиденного. Да, такое мог придумать только мужчина с его страстью к железу и блестящим поверхностям.

Между тем, Леночка уверенно выставила на плиту противень с песком и достала две джезвы. Затем подумала и включила притаившийся в углу музыкальный центр. Увы, из динамиков полился на нас осточертевший до колик в печёнках блатной фольклор, называемый почему-то шансоном. «Бог терпел и нам велел», – подумала я, а потом решила, что надо бы сюда другую музыку принести.

– У вас тут неплохо, – кривя душой, выдавила я комплимент.

– Ничего, – буркнула Леночка, вдавливая джезвы в прокалившийся песок.

Какое-то время разговор не клеился но, расхвалив ее золотые серёжки, мне удалось растопить ледок отчуждения, сложившийся вчера между нами. А может это кофе сближает, как утверждает реклама? Как бы то ни было, через какое-то время мы уже болтали, как закадычные подруги. Здесь нас и нашёл Миша.

– О, – загудел он, заполняя собою пространство кухоньки. – Валерия Михайловна, рад вас увидеть в добром здравии. Заглянул я к вам, а там Клещ потеет от усердия. Язык высунул, слюной чуть стол не забрызгал. Но пишет.

– Ну-ка, малышка, сваргань и мне кофейку, – это Миша обратился уже к Леночке. – А заодно и пожевать.

Пока девушка доставала из холодильника готовые салаты и нарезки, Миша развлекал нас байками из своей бурной жизни. Но потом посерьёзней, и обратился ко мне:

– Что надумали?

Я поняла суть вопроса и ответила:

– Да. В принципе я согласна, но нам следует предварительно обсудить некоторые вопросы и может быть подписать договор.

– Поехали, – с готовностью согласился Миша и ухватил за руку Леночку. – Ты всё приготовила? Вот и ладно, я сам возьму, а теперь брысь отсюда!

Миша вытащил из микроволновой печи горшочек, судя по запаху, с грибной солянкой и начал с аппетитом есть.

– Валерия Михайловна, извините, вам не предлагаю, знаю, как вы относитесь к готовой еде. Но сам есть буду (целый день впроголодь) и заодно внимательно вас слушать, – подбодрил он меня.

– Миша, сформулируйте, пожалуйста, как можно более конкретно цель, которую вы ставите передо мной.

Выпив минеральной воды, он отставил бокал и стал рассуждать вслух:

– Я хочу, чтобы фирма «Палладин» расширилась. Чтобы вместо двух направлений они стали работать по четырём, пяти, двадцати направлениям. Чтобы они предлагали больше услуг. Пусть по России тоже группы начнут возить, пусть к круизам присмотрятся. Понимаете, Валерия Михайловна, нельзя останавливаться на достигнутом.

– А вы не рассматривали мысль о том, чтобы создать ещё пару фирм?

– Зачем плодить букашек? Чем фирма крупнее, тем лучше – больше объем предлагаемых услуг.

– А напрямую с коллективом фирмы не разговаривали? – поинтересовалась я.

– Да Катя моя отсоветовала. Сама говорит решу, но только всё осталось по-старому.

– Кстати, Катя не против коучинга? Ведь это ее фирма! – уточнила я.

– Нет! – отмахнулся Миша. – Мы с Катей вчера дома поговорили, так она только «за». Привет вам передавала!

– Спасибо! Миша, вы должны осознать, что коучинг – это длительный процесс. Я думаю, что результаты начнут проявляться не раньше чем через полгода.

– Замечательно, – воскликнул гигант. – Это получается, что к началу весны они развернутся! Как раз новый летний сезон и встретят по-ударному! Годится!

– График моей работы я буду определять сама. Желательно конечно, чтобы работники «Палладина» осознали, что я буду с ними работать не по собственной прихоти, а по решению вашей жены.

– Ну, это само собой. Что по деньгам?

– Поскольку это мой первый коучинг то, как я прикинула дома, моя работа обойдётся вам в полторы тысячи долларов.

– Э, нет – замахал руками Миша, и я подумала, неужто пожадничала, но всё оказалось проще. – Так не пойдёт. Предлагаю по-другому. Фиксированный аванс перед началом работы в тысячу баксов, а остальная часть суммы по итогам финансового года с момента окончания этого каучука. Конечно, получается большая отсрочка, зато и куш интересный. Двадцать процентов с увеличения прибыли.

– Это как? – не поняла я.

– Если по итогам года у них получится прирост чистой прибыли на двадцать тысяч баксов, то ваша доля – четыре тысячи! За вычетом аванса.

– То есть здесь будет присутствовать и моя финансовая заинтересованность? – заключила я.

– Конечно! Ну что, по рукам?

– А когда договор будем заключать? – спросила я. – Я и образец подготовила на дискете. Но тут гигант только развёл руками:

– Валерия Михайловна! Вы что меня плохо знаете? Я никогда и ни с кем никаких договоров не подписывал. Всё на словах! Или вы сомневаетесь во мне?

– Нет, – сконфузилась я.

– То-то, – шутливо погрозил он мне указательным пальцем, размером с сардельку. – Когда начнёте?

– Думаю с понедельника.

– Хорошо. Тогда созвонитесь с Катей сегодня вечером, она вам даст все координаты и предупредит генерального, чтобы ждал вас. Ну, за плодотворное сотрудничество! – с этими словами Миша подмигнул мне и, выпив бокал минералки, перехватил покрепче вилку...

...Так вот и вышло, что набрала я себе работы выше крыши. Распростившись с Мишей, я пошла дожимать тестами Клеца. Затем отработала с одним, как значилось в представленной характеристике «бывшим безбашенным отморозком». Этот на контакт в первую встречу не пошёл совершенно, как я ни пыталась разговорить его. Он терпел меня только из-за приказа начальства и не произнёс ни одного слова. Тем не менее, выполнил все тесты. Ну, а дальше посмотрим, и не такую броню пробивали.

Ближе к полуночи меня насторожил непонятный телефонный звонок. Я подняла трубку и произнесла дежурные слова:

– Я вас слушаю.

Однако отвечать мне не торопились, хотя отчётливо слышалось размеренное дыхание человека на другом конце провода. Несколько раз я добросовестно выдала в эфир «Алло», но ответа не дождалась и, рассердившись, бросила трубку.

В другое бы время я не придавала этому значения. Но уже лёжа в постели, мне вдруг пришла в голову одна очень нехорошая мысль. А что, если это все звенья одной цепи: и проникновение в мою квартиру, и спущенные колеса, и эти вздохи по телефону?

Сон в одночасье прошёл, а храп Верницкого мешал думать. Поэтому я эвакуировалась на кухню, прихватив с собою плед. Забравшись с ногами на диван и укрывшись пледом, я пододвинула к себе поближе блюдечко с сыром и бокал «Хванчкары» и предалась размышлениям.

Если это не случайное совпадение, то следует признать, что сия мерзопакость одних рук дело. Но кто? и почему? – вот в чем вопрос. Этот Некто знает мой адрес, мой телефон. Следит за мной! Фу, это подло и гадко... Кстати можно допустить, что и я могу его знать. Далее, по существу все действия свелись к тому, чтобы озадачить меня, смутить, не более того. Час от часу не легче. Выходит, что Некто решил сыграть со мной в кошки-мышки? Ну что ж, сыграем!

Я подключила к мыслительному процессу дополнительные мозговые извилины, но тщетно. Выявить с помощью дедукции вражье имя не удалось. Тогда я решила выстроить линию обороны, а даже в детском саду знают, что лучшая оборона – это нападение. Дальше этой аксиомы я не пошла – устала.

Ладно, пусть Некто сделает очередной шаг. Только я теперь буду наготове и тут же нанесу ответный удар. А может быть спровоцировать как-нибудь этого Некто? Но и в этом направлении дальше голых деклараций я не продвинулась.

Мои посиделки затянулись до глубокой ночи, пока голова окончательно не опухла от раздумий.

Выходные я провела дома за чтением набранной у коллег литературы по вопросам коучинга и свои старые записи по бизнес-тренингам.

Сергей подвернул ногу на своём футболе и потому всячески пытался испортить мне настроение. Всю субботу он отказывался переставить замок на входной двери, и лишь когда я стала звонить по объявлениям, сдался и в полчаса всё сделал. А после воскресного обеда он внезапно устроил сцену:

– Послушай, Лера, что с тобой происходит? Ты же раньше была другая?

Я даже ошалела немного от неожиданности:

– Какая другая?

– Ну, прежде тебя не так эти деньги проклятые волновали. Ведь жили мы без них нормально и ничего. А теперь, посмотри, во что ты превращаешься.

– Не поняла! – понизила я голос.

Но Верницкий уже закусил удила и помчался во весь опор:

– Ведь ты же согласилась по сути обслуживать бандитов! Что о тебе люди скажут?

– Какие люди? – насторожилась я. – Никто, кроме тебя, не знает о том, что я сотрудничаю с Михаилом.

– Ну, всё равно. Ты ведь ставишь себя на один уровень с ними, якаясь с подобными.

– Так, – я прекратила мыть посуду и развернулась к Сергею. – Давай разбираться. Во-первых, бандитами их может признать только суд, а во-вторых, они такие же люди, с такими же проблемами и тревогами, что и остальные.

– Ой, – поморщился муженёк. – Ты не по телевизору выступаешь.

– А что бы ты хотел? Чтобы я работала с крупными банкирами? Политиками? Артистами?

– Ну, возможно, – оживился он.

– Неужели ты думаешь, с ними работать лучше? Да в них гадости понамешано ещё больше – по самую макушку. Только что не так откровенно лезет, не с первого сеанса. А насчёт Мишиных подчинённых... Пойми, я же с ними не преступные планы составляю.

– Ну да, ты в них пытаешься отыскать человеческое. Смотри, чтобы тебя твои же подопечные, как они любят выражаться, не «подставили», или не «обули».

– Уймись, Верницкий! – огрызнулась я. – У меня своих хлопот хватает, чтобы твои выкидыши терпеть. У тебя есть работа, семья, увлечения, приятели. Что тебе нужно, чтобы достойно встретить старость?

Вот тут он аж взвился в воздух от негодования, даже на фальцет сорвался:

– Какая к черту старость! Мне тридцать девять только через месяц будет! Что ты мне возрастом тычешь! Я не списан в тираж! Я ого-го!

– Если бы ты мог, – подлила я масла в огонь, – то ты бы зарабатывал столько, чтобы я не якалась с уголовниками.

Этого он не стерпел и, прихрамывая, заковылял в гостиную. Да ещё и дверью хлопнул. Ничего, пусть поразмышляет на досуге – это полезно. Главное – он отстал от меня, и теперь я хоть смогу дочитать книгу «Тренинг управления конфликтами».

Вот только Некто опять позвонил в воскресную полночь и снова многозначительно посопел в трубку. Я выждала десять секунд, потом произнесла:

– Спасибо. С вами было очень приятно помолчать.

И положила трубку...

ГЛАВА 4

Универсальный закон:

«Если в ваши

расчёт может вкрасться

ошибка – это обязательно произойдёт».

...В понедельник, сразу после обеда, я нанесла визит в туристическую фирму «Палладин», располагавшуюся на Литейном проспекте. Поднявшись по ступенькам, я попала в довольно непрезентабельный офис, число которым – легион. Выйдешь и забудешь тут же. Или это я избаловалась в «Бастione»? Хотя, в принципе, всё чисто, просторный зал с переговорными местами. Повсюду плакаты и брошюры, несколько пальм в кадучках.

Мне навстречу тут же устремилась девушка с несколько удлинённым лицом, что нехорошо подчёркивалось прямыми светлыми волосами (впрочем, довольна миловидная особа – на таких, по моим наблюдениям, мужчины падки), и дежурной улыбкой:

– Могу ли я чем-нибудь помочь?

В одно мгновение она оценила мой английский костюм (специально одетый для этой встречи) и заулыбалась ещё тщательнее.

– У меня встреча с вашим директором, – пояснила я.

– Да, да, – погрузилась девица. – Нас предупреждали. Вот сюда, пожалуйста.

Она пошла впереди меня и постучала в дверь с табличкой «ДИРЕКТОР»:

– Игорь Леонидович! К вам пришли!

– Входите! – раздался приглушенный дверью голос.

Я поправила шарф на плече и, сохраняя достоинство, вошла в кабинет. При моём появлении в кресле слегка приподнялся полноватый шатен лет тридцати, с рыхлым, я бы сказала обабившимся лицом, и очках. Остренький подбородок, выглядывающий из двух складок и прижатые к черепу уши, не добавляли шарма в его облик. Но, в конце концов, мне с ним в гости не ходить. Меня интересуют его деловые и профессиональные качества.

– Валерия Михайловна, если не ошибаюсь? Здравствуйте, здравствуйте! – в отличие от своей сотрудницы он улыбался вполне искренне. – Прошу вас, садитесь. Буду откровенен, и даже возьму так сказать быка за рога. Тренинги в вверенной мне фирме уже проводились и потому я не вижу большого смысла в ваших услугах. Но, поскольку Катерина Дмитриевна настаивает...

Я широко улыбнулась в ответ (тоже довольно искренне, даже уголками глаз):

– Уважаемый Игорь Леонидович! Я не собираюсь проводить тренинг. Вам известен термин «коучинг»?

– Ну, что-то слышал, – скривил губы Пинегин.

– Говоря простым языком, я не буду заниматься улучшением навыков вашего персонала. Не стану проводить тренинги по отработке дежурных улыбок, ведению переговоров, искусству продаж и прочих вещей, столь необходимых в бизнесе. Я не собираюсь стоять у вашего плеча и давать советы, как жить, или писать за вас бизнес-планы. Тем более я не собираюсь копаться в вашем прошлом и в обуревающих вас комплексах. Хотя в принципе мы и об этом можем договориться в рамках проводимого коучинга, если поймём, что это будет служить нашей обоюдной выгоде. Да, кстати, а не выпить ли нам по чашечке кофе?

Пока он вышел в зал отдать распоряжения, я перевела дух и стала выстраивать разговор дальше. Пока вроде инициатива перешла ко мне, главное здесь не перегнуть палку.

– Тогда, Валерия Михайловна, в чем же заключается коучинг? – осведомился Пинегин уже после того, как нам принесли кофе.

– Грубо говоря, коучинг – это активация внутренних резервов человека для осознания и выполнения стоящих перед ним целей, это раскрытие потенциала как отдельной личности, так и целого коллектива.

– Каких целей? – заинтересовался директор.

– Заказчики так определили мою задачу: в течение полугода добиться существенного расширения вашего бизнеса. Что в свою очередь должно отразиться на доходах.

– Можно подумать, я этого не хочу! – хмыкнул Пинегин.

– Получается, что не хотите, – парировала я. – По крайней мере, внешне.

Какое-то время директор шумно дышал, но потом решился:

– Я не хочу, чтобы «Палладин» место под солнцем отвоёвывал силовыми методами. Это пагубно отражается на бизнесе. «Палладин» возник из ничего, просто за счёт того, что некоторым фирмам пришлось ощутимо подвинуться в Турции. Это, конечно не смертельно, но нас в городе терпят только потому, что не хотят ссориться с Черкасовым. Это муж Катерины Дмитриевны, весьма серьёзный человек. Однако если начнётся второй этап интервенции... могут возникнуть серьёзные проблемы, которым Михаил Александрович не придаёт значения. А вот я придаю. Хотя я и генеральный директор, а на себя примеряю пословицу «Когда паны дерутся, у холопов чубы трещат».

– Это весомый аргумент, – согласилась я. – Но давайте посмотрим на возникшую проблему с другой стороны. Неужели для расширения бизнеса существует только метод, предлагаемый Черкасовым?

– Нет, конечно! – подтвердил Пинегин.

– Вот мы с вами и найдём вместе более приемлемые способы! – предложила я. – Но, прежде чем начинать собственно коучинг, я бы хотела для себя составить полные психологические портреты всех сотрудников вашей фирмы. И вопрос заключается в следующем. В какое время лучше провести тесты?

После непродолжительных дебатов было решено, что я проведу поголовное тестирование завтра. Начало экзекуции назначено на четыре часа пополудни.

Уже выходя из офиса, я почувствовала, что устала! Тяжёлый этот Пинегин и мутный. И говорит вроде бы правильно, а чувствуется некая червоточинка. Ну да ладно, пора ехать в «Бастيون», там меня ожидают два очередных субъекта с криминальными судьбами...

...Когда я подъехала к дому, начинало смеркаться. А, подойдя к подъезду, вдруг обратила внимание, что рябиновые грозди уже давно покраснели. Я остановилась и стала смотреть, как темно-зелёная листва окрестных деревьев колыхнется под ветром на фоне серого, сумрачного неба.

Господи, неужели лето и вправду кончилось? Я стояла до тех пор, пока не продрогла, а потом побежала домой и первым делом забралась в ванну. Вокруг пузырилась взбитая пена и я начала представлять себе, будто я – Анжелика и ко мне сейчас зайдёт...

Тут зашёл Верницкий и предложил потереть спину. Я согласилась, так и быть – сделаю человеку приятно. Попутно он поведал мне о новостях в своём институте. Словом, сделал шаг к примирению. Ну и молодец! Давно бы так. Я для приличия немного покапризничала, но так, в меру. И ошастливленный Серёжка побежал на кухню готовить ужин.

Вечер закончился идиллически! Уже засыпая, я подумала, что надо бы Сергею куртку новую купить. Несolidно всё-таки, мужику уже под сорок. Как раз ко дню рождения что-нибудь приличное...

...Отстрелявшись в институте, я уже направилась на стоянку к своей ласточке, но на полдороге меня перехватил Дмитрий Юрьевич Ланье, мой научный руководитель. Он только сегодня вернулся с конференции, проходившей в Испании. Как обычно, он был подчёркнуто демократично одет и походил на никак не желающего успокоиться постаревшего рокера. Впрочем, такой имидж необычайно нравился студенткам, обожавшим своего преподавателя.

- Здравствуй, Лера! Угадай, какой вопрос последует?
- Когда я закончу диссертацию? – уныло протянула я.
- Именно.

Я честно ответила, что не знаю. Уж очень много работы свалилось.

– Ладно, сейчас я сам очень спешу. Но в пятницу утром в девять, чтобы как штык была на кафедре. Я специально посмотрел твоё расписание. Тебя это должно устроить.

Вот и поговорили. В расстроенных чувствах я поехала на Литейный проспект. Понятно, что сама виновата, нечего было летом время бездарно тратить. Ох, что же делать-то?

Как что? Тестировать пинегинских сотрудников.

В назначенный час я входила в офис фирмы «Палладин». Однако, к удивлению, не увидела в глазах, устремлённых на меня, радостного нетерпения. Нет. Все пять разнокалиберных дам, что составляли войнство пинегинское, взглянули на меня как угодно, но только не доброжелательно. Пожалуй, основной флюид, исходивший от них, характеризовался как затаённое злорадство. И ещё, что меня поразило. Если вчера я застала довольно-таки расслабленную атмосферу, то сегодня здесь наблюдался образцовый аврал: телефоны звонили, принтеры шуршали бумагой, а компьютеры перегревались от непосильных задач.

Сделав вид, что ничего не заметила, я поздоровалась с ними и прошла к кабинету директора.

Пинегин разговаривал с кем-то по-английски по телефону, а за столом сидел аскетичный, желчного вида брюнет и что-то быстро писал. Директор завидя меня, сделал приглашающий жест рукой, и продолжил разговор по телефону.

Брюнет, на вид оказавшийся лет на пятнадцать моложе меня, кивнул головой и, протянув руку через стол, негромко представился:

– Юра. Референт Игоря Леонидовича. А вы Валерия Михайловна?

И получив подтверждение, продолжил:

– Я в курсе ваших планов, но видите ли в чем дело. У нас с утра просто завал. Клиенты как с ума посходили. Видите, Игорь Леонидович уже пятнадцать минут со Стамбулом разговаривает. Поэтому было бы замечательно, если бы удалось перенести ваш визит на другое время.

– Замечательно, – лучезарно улыбнулась я. – Что вы можете предложить?

– Четверг или пятница вас устроят?

– Нет.

– Тогда ваши предложения.

– Меня устроит сегодня и только сегодня. Но, входя в ваше положение, я согласна подождать окончания рабочего дня. Вы до девятнадцати трудитесь?

– Да, – растерялся Юра.

– Значит, через три часа я подъезжаю, и мы спокойно поработаем. К тому времени я надеюсь, клиенты от вас отстанут. Только организуйте, пожалуйста, что-нибудь перекусить. Потому что сидеть придётся долго. Да, и пусть никто не уходит. Я не собираюсь гоняться за каждым по отдельности.

Я говорила намеренно громко, чтобы Пинегин всё хорошо расслышал. Потом поинтересовалась, где у них туалет, и дала ему несколько минут на размышление. В принципе я оказалась права. К тому времени, как я вышла, Пинегин уже «закончил» разговор со Стамбулом и поджидал меня в зале:

– Валерия Михайловна! Юра передал мне ваши пожелания. Я тут прикинул и хочу предложить компромисс. Вы с полчаса погуляете по соседним магазинам. Тут кстати неплохие бутики есть! А я за это время наведу в офисе порядок.

Выразив восхищение столь высокими деловыми качествами собеседника, я приняла сие предложение. Действительно, поблизости оказался бутик итальянской одежды, в котором я и провела означенное время. Моментально оценив мой костюм, две продавщицы провели малый

показ мод. В конце концов, я остановила свой выбор на превосходном бежевом жакете из шерсти альпака. Расплатившись карточкой, я вышла в прекрасном расположении духа. Вот теперь можно и тестами заняться.

Интересно, почему Пинегин пошёл на такую выходку, как манкирование нашей договорённости? В том, что при мне шла лишь имитация бурной деятельности, я ни на секунду не сомневалась. Это подтверждается тем, как он вывернул на попятный, едва поняв, что я не отступлюсь. Детский сад просто. Ладно, поразмыслим на досуге.

Во второй раз офис встретил меня настороженной тишиной. Ну прямо, словно школьники ждут учительницу после выволочки, устроенной завучем. Дамы сидели, сгрудившись за одним столом, и явно сплетничали. Я заглянула в открытую дверь директорского кабинета и попросила джентльменов присоединиться к дамам. Директор и его референт были мне уже знакомы. А вот третий мужчина, переваливший за средний возраст, оказался открытием сезона. По своему внешнему виду и повадкам он был не иначе как потомственным бухгалтером в третьем, а то и четвёртом поколении. Он и родился, наверное, сразу с арифмометром, или счетами.

Проходя мимо, он по-старомодному расшаркался со мной:

– Семён Леонидович. Фурцев. Не родственник. Нет. А вы не состоите в родстве с Ефимом Аркадьевичем? Нет? Удивительно, просто удивительно. Точно такие же глаза.

Когда статисты расселись, я выступила с небольшой речью, основным рефреном которой было то, что все люди – братья, мир лучше войны, а пять золотых лучше, чем один золотой. И я хочу стать тем альтруистом, который проведёт маленькую ладью с гордым названием «Палладин» сквозь суровое море рыночной экономики в царство золотого тельца. Я назвала свою программу «Сто восемьдесят дней» и пообещала в пути никого за борт не сбрасывать.

Уж не знаю, поверили мне или нет, аплодисментов я не дождалась. После этого приступили собственно к творчеству.

Для начала я запустила Вилсоновский опросник, чтобы посмотреть, как оценивает себя директор, а главное, как оценивает его народ. Когда все выполнили задание, я дала им опросник Шейна. А потом до кучи парочку тестов. В общем, с задержками, но мы справились к семи вечера. Распрощались довольно мирно, на нейтральной ноте, и я пообещала заглянуть к ним, как-нибудь на днях. А именно: в пятницу.

Пинегин от лица коллектива выразил уверенность, что больше я не буду отрываться от работы так надолго целый коллектив. В противном случае они и один золотой на всех не зарабатывают.

Я напредила собравшимся выражение «через тернии к звёздам», пожелала всем приятных выходных и вышла на улицу...

...После ужина я уселась за компьютер, чтобы обработать и обобщить полученные данные. Естественно, что в первую очередь я приступила к расшифровке пинегинских тестов. Но результат, который у меня получился несколько отличался, если можно так выразиться, от ожидаемого.

Выстроив график по Вилсону, я поняла, что Пинегина необходимо гнать из фирмы, в течение двадцати четырёх часов. Самовлюблённый деспот, да и только. Хотя я этого не заметила. Зато опросник Шейна дал ещё более любопытный результат. Тут получалось, что Пинегин отчаянно стремится к независимости, чтобы дать выход творческой стороне своей натуры.

Я откинулась на спинку стула и задумалась. Что-то не сработало. Перепроверив обработку тестов, я убедилась, что всё сделано правильно. Однако по существу выходила абракадабра. Отложив в сторону директорские листы, я принялась за результаты, выданные Сериковым Юрием, секретарём-референтом. Опять двадцать-пять – сплошная ерунда.

После очередной паузы, я решила вручную перепроверить результаты. Но нет, выяснилось, что компьютер не заглянул. Напрашивался только один вывод: меня водили за нос! Оба,

и директор, и секретарь, заполняли тесты как попало, втайне злорадствуя, как они провели глупую дамочку (то есть меня).

ТАК, ТАК, ТАК! Я почувствовала, как запылали мои щеки, а в груди стал накапливаться гнев. С трудом я взяла себя в руки и продолжила обработку тестов. Но везде было одно и то же – а именно полнейшая бессмыслица. К часу ночи стало ясно, что налицо факт наглого, беспардонного саботажа!

С таким я прежде не сталкивалась в своей практике, да и от коллег ничего подобного не слышала. Пинегин не просто развлекался сам, но и принудил к аналогичным действиям всех своих сотрудниц. И только бухгалтер Семён Леонидович отвечал на первый взгляд вроде бы искренне. Но это являлось слабым утешением.

Итак, суммируем! Мне брошен вызов. Исподтишка, не напрямую, с соблюдением внешнего приличия. Сюда я могу отнести как попытку заблокировать проведение теста, так и его результаты.

Вопрос: почему?

Я не понравилась до отвращения? Бред. Личностные мотивы не рассматриваются априори. Тем более, что Пинегин заранее противился какому бы то ни было вторжению в фирму. Следовательно, он опасается, что я могу что-то узнать. Но что именно?

Меня ведь несколько не интересуют их профессиональные тайны. Я что-то слышала, как и любой грамотный человек, о неподотчётной наличности, уклонениях от налогов. Но я же не налоговый инспектор, и не аудитор, в конце концов.

Пинегин это прекрасно понимает. И тем не менее ведёт себя, словно подросток, в чью комнату пытаются войти взрослые. «Нет! Не пущу!» – отчаянно сопротивляется он, не понимая, что только выдаёт себя и возбуждает ответную агрессию.

Может они тут устраивают оргии? Так и пусть. Я не отношусь к борцам за нравственность. У них здесь секта? Во-первых, не факт, во-вторых – у нас свобода вероисповедания.

Выдвинув для разнообразия несколько версий, я поняла, что ни одна из них не звучит убедительно. Зато очень захотелось спать. Я подхватила сиамскую на руки и покинула кухню...

ГЛАВА 5

Закон Миллера:

*«Ничего нельзя сказать о глубине лужи
пока сам в неё не наступишь».*

Утром в среду я по обыкновению провожала домашних: кого на работу в институт, кого в школу. Они за завтраком немного поканючили, а не смогла бы я их отвезти на машине. Но я пресекла в зародыше попытки взгромоздиться мне на шею, тем более что мне в институт лишь к третьей паре.

Первым шагнул за порог Сергей. Мы обменялись традиционным поцелуем, он подхватил свою кожаную папку и открыл дверь.

В ту же секунду рванул взрыв! Он гулко бухнул по лестничному колодцу и отразился от стен. Сергей издал короткий вскрик «А-а-а!» и ввалился обратно в квартиру, держась за уши. ...А с потолка площадки медленно, словно снег, сыпалась побелка...

Но тут сказался мой опыт весенней кампании по возврату украденных денег. Я не стала истошно вопить и заламывать руки. Вместо этого тут же захлопнула дверь и, хотя в моих ушах ужасно звенело, стала торопливо осматривать голову Сергея. Однако никаких повреждений или ран не обнаружила. Вскоре он пришёл в себя, но глаза оставались ошалелыми. Это было крайне странно – взрыв без последствий. Но об этом я додумаю после.

Натка стояла рядом с побелевшим лицом и обезумевшими глазами. Я повернулась к ней и произнесла:

– Ничего. С папой всё в порядке!

Тут мои ноги ослабели, и я по стенке опустилась на пол. Старое начиналось сызнова!

Ну почему? Почему это происходит со мной? В том, что взрыв предназначался мне, а не Серёжке, я ни секунды не сомневалась. Нужен он кому со своим нищим научно-исследовательским институтом тысячу лет.

Ну, кому я могла так досадить?

СТОП!

А Спирохете? В миру – Светлана Жеребцова. Я её выжила из нашего института, её любовник сидит в тюрьме, или где там положено сидеть преступникам. Вот и мотив. Она выждала несколько месяцев и начала мне мстить! А я тут размышляю, кто это со мной играет!

И соседи хороши. Ни один не выглянул, не поинтересовался – что это тут у вас произошло? А может и к лучшему. Не нужна мне излишняя шумиха вокруг моей личной жизни.

– Эй, эй, эй! – закричала я Сергею, безуспешно терзающему телефон.

– Во, блин! Хрен дозвонишься до полиции! – стал он ругаться, сотрясая в воздухе телефонной трубкой. – Пять минут никто трубку не берет. Нас тут всех поубивают.

– Постой, – уже более спокойно произнесла я, поднимаясь с пола. – Не надо полицию. Кажется, я знаю, кто это. Сами разберёмся.

– Ну, мать! – вновь принялся ругаться Верницкий. – Опять твои заморочки с Циклопом? Ведь один раз чуть не доигралась. Может, хватит?

Начался очередной раунд выяснения отношений. Я категорически настояла на том, что полиция не нужна, и позвонила Константину Эдуардовичу. Тот понял меня с полуслова и пообещал прислать знакомого взрывотехника.

– Ну вот, видишь! – сказала я Сергею. – Сейчас приедет профессионал и разберётся что к чему. Так что, поскольку ты существенно не пострадал, можешь спокойно идти на работу.

Кое-как удалось этого истерика выгнать на улицу. И то, лишь после того, как я сама лично вышла на лестничную площадку, чтобы продемонстрировать отсутствие дополнительных взрывных устройств.

Следом за отцом спровадила и Натку. Задала пару контрольных вопросов – вроде ребёнок адекватно реагирует на всё, вот и ладушки. Вперёд!

До приезда обещанного специалиста я пыталась привести свои мысли в порядок. Теперь мне стало ясно: кто? и почему? Конечно же, Спирохета из-за своего увольнения.

Однако возникает новый вопрос: что за странная месть? Чего она хочет добиться? Почему взрыв не достиг своей цели?

Но тут весьма оперативно в дверь позвонили. Я открыла и удивлённо ахнула. На пороге стояли собственной персоной Миша со своими телохранителями, Константин Эдуардович и незнакомый мне мужчина. И у всех глаза суровые-суровые, словно прямо сейчас на войну отправятся.

Я поздоровалась со всеми, поскольку визитёры мне были знакомы. В памяти даже всплыли имена телохранителей: Вася и Петро.

– Доброе утро, Валерия Михайловна! Если оно конечно доброе! – прогудел в ответ Миша, отвечая сразу за всех.

Когда они протиснулись в прихожую, сразу стало ужасно тесно. Хорошо я успела прибраться в гостиной. Туда мы и переместились.

– Ну, рассказывайте! – подбодрил меня Миша, присаживаясь на жалобно скрипнувшее кресло.

– А что рассказывать-то? – пожала я плечами. – Сергей только шагнул за порог. А оно как бахнет! Мы страшно перепугались, а потом поняли, что обошлось. Вот и всё.

– Ну что бахнуло, вроде уже разобрались, – пробурчал Миша и повернулся к незнакомцу. – Да?

Затем пояснил, обращаясь уже ко мне:

– Это наш сапёр, или минёр. Когда как. Короче специалист широкого профиля.

Мужчина показал мне клочки желтоватого картона со следами гари и какой-то мусор, пояснив при этом:

– Вас просто хотели напугать! Над дверью закрепили самодельный взрывпакет с капсюльным взрывателем. Кстати, довольно остроумная конструкция. Нить прикрепили к двери и всех делов. Поставили вам эту шутиху, скорей всего утром. Вечером вряд ли. Уж больно приметное устройство.

– Что скажете, Валерия Михайловна? – обратился ко мне Константин Эдуардович. – На местных хулиганов не тянет. Верно? Если только вы кого-нибудь не обидели ненароком.

– Нет, – отринула я эту версию.

– Тогда может быть, у вас появились какие-нибудь предположения?

Предположения то были. Только уж больно не хотелось посвящать гостей в суть моих догадок. Слишком скоры они на действия. И я отрицательно помотала головой.

– Ой, ли? – не поверил мне Миша.

Однако я пошла в отказ. Они с Константином Эдуардовичем помучили меня немного вопросами, но безуспешно. Потом развили было дискуссию о том, что пора приставить ко мне телохранителя. Тут я сразу же поднялась на дыбки и наотрез отказалась от подобных услуг.

– Ладно, – подвел итоги встречи Черкасов, резко поднявшись из кресла. – Дыма без огня не бывает. А вы, Валерия Михайловна, темнить передо мной вздумали. Нехорошо. Я не фраер и не мент. Всё, бойцы, валим отсюда.

– Зря вы отказались от нашей помощи, – укоризненно добавил Константин Эдуардович и направился вслед за своим боссом.

Заламывая от собственной дурости руки, я окликнула гостей:

– Миша! Ну простите меня, я ничего не соображаю. Я скажу вам, кто это может быть. Только разбираться буду сама. Вы ничего предпринимать не станете. Согласны?

– Посмотрим, – пробурчал гигант и вернулся в гостиную. – Ну?

– Это Жеребцова. Больше никому, – сделала я официальное заявление и пояснила, почему так думаю.

Миша тяжело задумался, а потом, усмехнувшись, сказал:

– Что-то мне ваша бывшая начальница не показалась крутой. Кишка у неё тонка в одиночку дела делать.

– Так никто и не говорит, что это она сама устроила взрыв, – стала я защищать собственную версию. – Наняла кого-нибудь.

– Хорошо. Хотя и не факт, – продолжал упорствовать Миша. – Вы точно нигде больше не вляпались ненароком в какое-нибудь дерьмо?

– Богом клянусь, Миша! – взмолилась я. – Ничего противозаконного не видела, не слышала, сама не совершала и даже не думала!

– Это вам так кажется, – решил он окончательно известить меня. – А вот тот, кто весточку на дверях устроил, другого мнения!

– Пожалуй, – заговорил Константин Эдуардович, – не стоит сбрасывать версию о мести со стороны Жеребцовой. За неимением лучшей, следует проработать и эту. Кстати, я вполне верю Валерии Михайловне, что другие кандидатуры на роль «взрывника» (назовём его пока так) ей не ведомы. Лично меня настораживает в этой истории только одно. Явная демонстрация способности на решительные действия и столь же явный отказ от этих действий.

– Чего? – не понял Миша.

Я тоже хотела задать этот же самый вопрос, но не успела.

– Взрывник показал, что легко способен достать Валерию Михайловну. Но ограничил показ спецэффектов рамками лёгкого испуга. Если это месть, то очень странная. С элементами психологического воздействия. А такая месть осуществляется порционно. То есть должны последовать другие происшествия. Если их уже не было...

И он бросил на меня взгляд, но только я собралась сказать, что да, были; как он продолжил свою речь:

– ...Однако я склоняюсь, что здесь другое. «Взрывнику» явно что-то нужно от объекта. Следовательно, вскоре должны последовать очередные шаги. А вот какие? Сейчас я предугадать не могу. Слишком мало информации. Во всяком случае, пока жизни и здоровью Валерии Михайловны, на мой взгляд, ничего не грозит.

На этом военный совет закончился. Мне объявили благодарность за проявленную смекалку и мужество. Наконец, наказав держать постоянную связь и быть бдительной, гости удалились.

Я перевела дух и, быстренько собравшись, покатила в институт. Студенты по обыкновению ещё не втянулись в учебный процесс. Занимались чем угодно, только не конспектированием. Галёрка шумела, но я даже и не пыталась их утихомиривать. Если откровенно, мне самой было не до лекций. Я автоматически начитывала материал, то и дело сбиваясь из-за клокотавших во мне эмоций.

В один из перерывов я заскочила в учебную часть и попыталась вызнать адрес и домашний телефон Спирохеты. Заведующая Елизавета Максимовна, не задавая лишних вопросов, полезла в архив. Увы и ах, здесь меня поджидало разочарование. Папки с данными на Спирохету не оказалось. Компьютерное чрево также не сумело разродиться нужной мне справкой. Озабоченная заведующая развернула бурную деятельность по поиску злополучных данных, но уже было ясно, что помочь мне здесь не смогут.

Не увенчался успехом и поход в ректорат. У Маргариты Васильевны Белявской была новая секретарша, взятая откуда-то со стороны. Она добросовестно засуетилась, но голый энтузиазм, не подкреплённый знаниями и опытом, увы, оказался равен нулю.

И тут меня осенило – мир не без добрых людей! Я тут же заторопилась к своему другу – Генке Егоркину, сетевому администратору нашего института. Он, по обыкновению, портил себе глаза, сидя за компьютером в полутёмном зале

– Геночка! – подлизалась я с ходу. – Ты всё можешь, всё умеешь! Найди, пожалуйста, адрес Спирохеты.

Геннадий оторвался от монитора и удивлённо посмотрел на меня:

– Зачем он тебе нужен?

– Ну, нужен, – я от нетерпения притопнула ногой.

– Пожалуйста, – он покорно вытащил из ящика стола флешку. – Но учти, это у меня полугодовой давности данные. Я не обновлял их.

– Ерунда, – откликнулась я и вскоре уже стала счастливой обладательницей распечатки, в которой значилось, что Спирохета обитает на Васильевском острове. Потирая от удовольствия руки, я подарила один поцелуй Генке (в щёчку, ничего личного, дружеский жест) и удалилась восвояси.

Припарковав машину у дома, я засмотрелась на молодую маму, выгуливающую в нашем дворике малыша лет двух. Сначала она просто показывала сыну в песочнице, как делать куличики, а затем увлеклась и, забыв про всё, сама стала выкладывать формочки. Малыш уже давно играл с машинкой, таская ее по кругу на верёвке, а мать самозабвенно ковырялась в песке.

И я, облокотившись на открытую дверь машины, вдруг поймала себя на мысли, что завидую этой девчонке. С каким удовольствием я бы оказалась на ее месте. Натка уже давно выросла. Да я уже и не помню ничего из ее младенческой поры. Зато есть острое желание ощутить на руках маленькое тельце, которое будет агукать и пускать пузыри. Хм, а может и правда родить? Сделать сюрприз Сергею?

Но при воспоминании о Верницком желание рожать пропало. Он с Наткой-то мне никак не помогал, а уж теперь и подавно. Это значит опять всё на мне будет? Ну нет, фигу ему, а не наследника. Перебьётся.

Я в сердцах захлопнула дверь и пошла домой. Там я провела душевную беседу с Наткой о повадках юных самцов, затем послужила громоотводом для Верницкого, которого в чем-то обошли в институте, и теперь он негодовал (хотя по-моему, негодовать следовало на работе, а не дома).

– Да, кстати, – уже за чаем вспомнил об утреннем происшествии Сергей. – Помогли тебе твои уголовнички? Выяснили, кто бомбу подложил?

– Нет. Да я сама догадалась.

– И кто же? – незамедлительно последовал новый вопрос.

Памятуя о том, что Сергей не был посвящён во все перипетии моей весенней борьбы со Спирохетой, я неохотно призналась:

– Скорей всего, это наш бывший ректор. Она наверняка не смогла мне простить своё увольнение. И сейчас решила мне пакостить по мелочи. То звонки непонятные...

– Что за звонки? – насторожился Серёжка.

Натка тут же наострила уши.

– Ну, были тут какие-то звонки, несколько раз. Кто-то многозначительно молчал. Сначала я не понимала. А теперь ясно – это Спирохета так развлекается. Но ничего. Я уже выяснила, где она живёт и даже телефон есть, – я потрясла для наглядности листком, что лежал рядом с трубкой. – Ей придётся прекратить эти штучки. На выходных и займусь.

– По голове бы ей настучать, твоей Спирохете, – разбушевался Верницкий. – Я чуть заикой не стал. А лучше всего в суд подать.

– Не надо в суд, – взмолилась я и поднялась из-за стола.

Сергей отправился смотреть телевизор, Наташка закрылась в своей комнате, явно что-то замышляя, если судить по выражению ее лица. Ладно, всё лучше, чем по улицам шляться. Одна сиамская устроилась на диване и стала наблюдать, как я воюю с грязной посудой.

В самый разгар битвы за чистоту, телефон зазвонил. Я наскоро протёрла руки полотенцем и схватила трубку:

– Я вас слушаю!

– Привет, Валерка! – раздался голос Ротмистра. – Извини за беспокойство. Только ты бы не могла встретиться со мной?

– Хорошо, а что за спешка? – поинтересовалась я.

– Да, неудобно по телефону, – ушёл от ответа Ротмистр. – Так как?

– Завтра у меня утром окно небольшое, часов в одиннадцать, так что если хочешь, подъезжай к институту.

Он с готовностью согласился, и я объяснила ему, как меня найти.

ГЛАВА 6

Закон Хеллера:

«Первый миф науки управления

состоит в том, что она существует».

В пятницу мне пришлось ехать пораньше в институт на встречу с Ланье. Однако против ожидания он не стал устраивать мне разнос, зато передал несколько книг, приобретённых им на испанской конференции. Все работы были посвящены выбранной для диссертации теме, а именно: игровым зависимостям. Мы побеседовали о том, что я хочу вынести в заключение, и вполне дружелюбно разошлись. Мне даже совестно стало за своё безделье.

Отчитав пару, я вышла на улицу, чтобы встретиться с Ротмистром. Он уже подждал меня, фланируя вдоль институтской ограды. Погода была отличная, и мы устроились на лавочке в нашем садике. Клён, что раскинул над нашей лавочкой крону, упрямо зеленел, хотя остальные его собратья, росшие поблизости, уже всю расцветали красными и жёлтыми сплохами.

– Вот и я так же, – обратил моё внимание на эту аномалию Ротмистр. – Приятели уже утомонились, а я хорохорюсь, из себя молодого корчу. Валерка, не буду тянуть кота за хвост. У тебя дела, это понятно. Короче, у меня тут незадача с работой. Все обещают, да результатов пока реальных нет. А самое смешное, что считай, в Питере у меня одна ты из знакомых осталась. С кем разошёлся, кого уж нет на свете. И обратиться, выходит, могу только к тебе. Ты бы не могла дать мне пять тысяч на месяц, в долг?

– Долларов? – испугалась я.

– Нет, – усмехнулся Ротмистр. – Рублей, конечно. Хотя, если зелёными дашь, тоже не откажусь.

– Долларами не дам, – серьёзно ответила я. – А в рублях помогу.

И мы направились к развлекательному центру, находившемуся неподалёку. Там размещался ближайший банкомат. Ротмистр получил искомую сумму, расцвёл и, поцеловав мне руку, исчез в многолюдной толпе, заполонившей Московский проспект.

Наверное, можно меня назвать душой. Мы не виделись шестнадцать лет. Я ведь не знаю, чем он сейчас дышит. Я даже не знаю где его искать, в случае чего. Да и пять тысяч на дороге не валяются. Но для меня в тот момент эти доводы не имели ни малейшего значения. Просто Ротмистр внезапно возник передо мной, как живое свидетельство юности. И эти пять тысяч стали оплатой... нет, не оплатой, а пропуском... и даже не пропуском, а возможностью соприкоснуться с тем миром. Я, наверное, не очень понятно выразилась? Ладно, проехали...

...Вернувшись в институт, я отчитала очередную лекцию и, выяснив у Людки Вереевой, своей начальственной подруги, что для меня спецзаданий нет, с чувством выполненного долга покинула родные стены.

Но расслабляться было рано. Пришла пора наведаться в гадюшник с гордым названием «Палладин». Я в четверг по телефону предупредила Пинегина, что мой визит неотвратим как тайфун. Тайфун «Валерия» – вроде неплохо звучит, а?

Хлебом-солью меня встречать не стали, а зря. Может быть, я бы и смилоствовала. В офисе несколько страждущих полюбоваться заграничными чудесами томились у столов пинегинских девиц. Я прошла сквозь строй ехидных взглядов, не поддавшись низменному желанию показать им язык. Дружелюбные кивки головой и приветливые улыбки – вот моё главное оружие.

С Пинегиным мы вообще только что не облобызались.

– Здравствуйте, Валерия Михайловна! – преувеличенно обрадовался он моему появлению. – А я уж и не думал вас так скоро увидеть! Это ж сколько времени нужно, чтобы всё обработать, что мы в ваших тестах понаписали. Небось, по ночам сидели?

– Да, да! – радуясь такой догадливости, покивала я головой. – Именно по ночам. Я вот по какому поводу заехала, Игорь Леонидович! После расшифровки выполненных вами тестов у меня получились первые, довольно неожиданные выводы. Не желаете полюбопытствовать?

И я протянула директору пару распечатанных на принтере листов.

– Конечно, любопытно! – засиял он и принялся зачитывать вслух избранные места, – Так, так... Результаты первичной диагностики персонала фирмы «Палладин»... Ага, уже значит пошли первые результаты. И что же вы тут написали?... Мгм... мгм... Вот... Директор фирмы Пинегин Игорь Леонидович обладает несомненными лидерскими способностями. Но, что более важно, тест выявил у испытуемого отличные управленческие навыки. Кроме того, коллектив продемонстрировал во встречах тестах высокую степень доверия своему руководителю, что является безусловно важным для успешной работы фирмы. Вывод: Пинегин И.Л. являет собой современный тип менеджера, ориентированного на успех и умеющего достигать высоких результатов.

Он оторвался от листа и умильно посмотрел на меня:

– Ну, спасибо, Валерия Михайловна, за столь лестное мнение обо мне! Откровенно говоря, свои возможности я оценивал гораздо ниже.

– Ну что вы, – взбодрила я его. – Эти тесты отработаны уже в течение десятилетий. Ошибки исключены. Вы читайте дальше.

– Сейчас, – спохватился он и продолжил. – Так... теперь пошёл Юра Сериков... Ля-ля-ля... исполнительен... аккуратен... обладает творческим потенциалом, который следует развивать... Вот тут я с вами согласиться не могу, Валерия Михайловна. От Юры на должности секретаря-референта не требуется творчество. Оставим это другим. А он пусть выполняет свои обязанности. Ну ладно, это так к слову....

– Опаньки! – воскликнул Пинегин и остальное уже стал читать молча.

По мере чтения он всё более скучнел, а потом и вовсе помрачнел словно туча:

– Вы что ж делаете, Валерия Михайловна? Вы ж меня без ножа режете?

– Почему? – наивно удивилась я.

– Да потому что, вы тут черным по белому написали такое, что ни в какие ворота не лезет!!! Вы что, хотите, чтобы я уволил трёх добросовестных, инициативных сотрудниц?

– Но результаты тестов утверждают иное, – возразила я. – Эти ваши сотрудницы – отъявленные лентяйки, не желающие работать и самое прискорбное, не понимающие этого. Зачем вам нужен этот балласт? Вместо них мы возьмём выпускников туристических факультетов. Они молодые, злые, будут рвать и метать.

– Не нужны мне молодые. Мне и эти хороши!

– Увы, Игорь Леонидович! Если вы не напишете сегодня же приказ об увольнении означенных сотрудниц, я передам эти листы Екатерине Дмитриевне не позднее нынешнего вечера.

– Что вы за человек? – воскликнул Пинегин. – Что вы о себе возомнили?

– К чему такие вопросы? – усмехнулась я. – Мы с вами деловые люди. Я не из профсоюзов, и не из службы охраны труда. Тесты выявили полную профнепригодность трёх ваших дам...

– Да пошли вы с вашими тестами! – вдруг сорвался Пинегин и закачался на стуле, схватившись за голову.

– Игорь Леонидович! – спокойно произнесла я. – Вы выплеснули эмоции? А теперь давайте рассуждать здраво. Вы не хотите никого увольнять. Почему?

– Потому что ваши тесты неверны, – злобно рявкнул директор. – Мои сотрудницы хорошо работают. Кому как не мне знать об этом?

– Но в той части, что касалась вас и вашего референта, вам отчёт пришёлся по душе. А ведь тогда следует допустить, что и эти результаты ошибочны. Разве не так?

Пинегин подозрительно посмотрел на меня, но я послала ответный взгляд, полный искренности и наивности. Затем он надолго задумался, только желваки на скулах заходили. Пускай. А пока суд да дело, я вытащила зеркальце и поправила причёску. Удовлетворившись осмотром, я обратилась к директору:

– Так что делать будем, Игорь Леонидович?

Он засопел, почесал нос и спросил:

– А можно ещё раз протестировать их?

– Только если весь коллектив, – уточнила я.

– Согласен, – выдавил из себя Пинегин.

– Сегодня, – добавила я. – Вы уже грамотные. Я вам всё оставлю, вы заполните бланки самостоятельно и привезёте их в «Бастион». Знаете такой бизнес-центр?

– Да, – удивился директор.

– Вот. Я там буду до восьми вечера. В офисе номер 412. Если у меня к этому времени не будет бумаг, я пишу отчёт с резко отрицательными выводами.

С этими словами я вытащила папку с болванками, положила их перед Пинегиним и распрощалась к обоюдному удовольствию...

У меня было немного свободного времени, и я с удовольствием прогулялась по Летнему саду, благо погода позволяла. Деревья ещё зеленели, лишь кое-где появилась жёлтая листва. Я выбрала уединённую скамейку и предалась ничегонеделанию. Порхали по саду последние бабочки. Где-то поодаль играл саксофонист. Играл неплохо, но только что-то ужасно тоскливое. Инструмент буквально плакал навзрыд в его руках. Я стала было погружаться в пучину меланхолии, но вовремя взяла себя в руки и пошла к машине.

В «Бастионе» меня поджидал в приёмной Витя Чистяков, он же Клещ.

– Здравствуйте, – широко заулыбался он при моем появлении. – А я уже вот значит, здесь.

– Я рада, – ответила я и, поздоровавшись с ним и Леночкой, прошла в свой кабинет.

Витя просочился следом. С ходу оседлал полюбившийся стул и спросил:

– Ну как? Что сегодня делать будем?

– Разговаривать.

И мы действительно поговорили с ним полтора часа. Витя оказался достаточно словоохотлив, а кроме того, явно проникся ко мне симпатией. Это был и плюс и минус. Хотя больше плюс. Результаты тестов меня вполне удовлетворили, просто надо было уточнить некоторые позиции.

Я слушала, как он рассказывает о своём детстве, юности, о службе в армии и окончательно укрепились в своих выводах. Нормальный парень, социально развитый, без каких-либо патологий, он бы и сейчас мог адаптироваться в обществе.

– Ну что, Витя, – стала заканчивать я нашу беседу. – Могу сказать одно. Я буду рекомендовать тебя на повышение. У тебя есть задатки. Но я отмечу и другое. Как ты сам понимаешь, одного желания и способностей руководить людьми мало.

– Ха, – осклабился Витя. – А это на что?

И он потряс в воздухе кулаками.

– Нет, я имею в виду знания. Подумай над этим. Было бы здорово, чтобы ты всё-таки закончил хотя бы десятилетку.

– Школу? – поморщился парень.

– Да, вечернюю школу. Это было бы для тебя необычайно полезно. Я бы не говорила этого, если бы у тебя не было способностей.

– Да надо мной же смеяться будут.

– И ты вместе с ними посмейся. Они и отстанут.

– Вы чо, серьёзно? – набычился Витя. – Вы это Циклопу скажете?

– Да, я буду рекомендовать отправить тебя доучиваться. Но мне бы не хотелось делать это без твоего согласия.

– Ну, блин, дела! – зачесал он в затылке. – А я бы смог потом в радиотехнический поступить?

– Пожалуйста, – ответила я. – Получишь аттестат и учишь на вечернем, или заочном. Без отрыва, так сказать, от «производства».

Витя подумал-подумал, а потом решил:

– Эх, была не была! Один раз живём! Пишите: согласен.

Я так и поступила...

...«Бывший безбашенный отморозок» вновь всю встречу отмалчивался. Так что у меня получилось сплошное говорение, и никакого слушания. Но добились-таки ответных реакций. Если вначале он демонстративно игнорировал мои вопросы, то под конец стал отвечать. Междометиями, скупо, но отвечать. И даже лицевые мышцы расслабил.

А когда наш сеанс закончился, он выдал из себя целую фразу:

– Ну, я пошёл?

...В приёмной меня дожидался референт Сериков.

– Добрый вечер, Валерия Михайловна! – с этими словами он поднялся из кресла и протянул мне папку. – Вот то, что вы просили! Повторные анализы, так сказать.

И нагло усмехнулся, глядя мне в глаза.

Я никак не прореагировала на этот выпад, лишь рассеянно произнесла:

– Ах, да-да, спасибо, вы свободны!

Он стушевался, хотел было огрызнуться, но я уже повернулась к Леночке, чтобы обсудить с ней очередные кандидатуры на понедельник. Так что Серикову ничего иного не оставалось, как тихо испариться.

День был не из самых тяжёлых, но в подземный паркинг я спускалась, выжатая словно лимон. Как хорошо, что ласточка поджидала меня, блестя свежевывитыми боками. А когда знакомый охранник, открывая шлагбаум, приветливо козырнул, я подумала, что мне начинает нравиться сибаритский образ жизни. Ну, или почти сибаритский (ещё бы не работать)...

...Дома всё было как всегда. Натка оккупировала телефон, предоставив право просмотра телевизионных программ отцу. Но едва я переступила порог, как они сгрудились вокруг меня: сиа́мская нагло мяукала; Сергей жаловался, что он голоден как собака; а Натка совала мне под нос дневник с первыми оценками. Лишь покормив всех голодных, пожалев всех униженных и оскорблённых (в пределах своей квартиры), я приступила к психологическим изысканиям. Надо отдать должное – Пинегин правильно меня понял и тесты коллективом «Палладина» были заполнены с достаточной степенью искренности.

Окончательно обработав материалы к субботнему вечеру, я смогла суммировать свои впечатления. Как директор – Пинегин терпим, хотя и оказался типичным представителем авторитарного руководства. Как человек? Карьерист, себе на уме, в меру хитёр, в меру жаден, обучаем. Мечтает о большой власти и больших деньгах. Не очень ясным оставалось только одно. Самооценка у Пинегина была явно завышенной, однако весь коллектив оценивал своего директора ещё выше! Остерегусь слова «боготворил», но что-то близкое к этому. Причём, и это было видно из графиков, все пять женщин, а вслед за ними и референт и бухгалтер, довольно честно (в разной степени, естественно) отмечали негативные черты своего начальника. Но как только дело доходило до вопросов о доверии..., о заинтересованности в работе под управлением..., о моральном настроении..., об удовлетворённости своей работой и так далее, как тут же выставляли Пинегину высшие баллы.

Я протёрла глаза и отошла от компьютера. Получалась какая-то несуразица. Средненькой руки руководитель пользуется бешеной популярностью у подчинённых, причём они прекрасно

видят его недостатки, как руководителя, а следовательно и человека. Ну, словно шах и его гарем. Да, деспот, но мы его любим?

Я заинтересовалась получившейся картиной. И стала заново просматривать материалы – может быть, я пропустила какую-то черту Пинегина? Но нет. Из четырёх тестов и моих личных наблюдений получалось, что нет у Игоря Леонидовича никаких выдающихся качеств. А вот коллектив их видел!

Да, загадка природы! Может быть, он обладает неким магнетизмом, который я не сумела уловить? А может у него необычайно высокий интеллект? Надо бы его в этом направлении протестировать.

Притом что сам Пинегин к своему коллективу относился свысока, надменно.

Что ж, надо будет это иметь в виду, при выстраивании работы в «Палладине».

Теперь настала пора заняться референтом Юрой Сериковым. Здесь всё было предельно ясно. Каков барин, таков и холоп. Маленький пинегин, вырастет – станет большим.

Пойдем дальше: бухгалтер Фурцев Семён Леонидович, сорока восьми лет. Тут у меня опять небольшая закавыка получилась – разночтение в результатах. Семён Леонидович отчаянно пытался создать впечатление скромного, честного трудяги финансового фронта. Но по совокупности тестов, желаемый им образ никак не складывался. К тому же, в эмоционально-нравственной сфере выявился проблемный блок, коррелирующий с высоким уровнем тревожности у тестируемого.

Я застолбила эту проблему и приступила к женской половине фирмы. В компьютере я расположила их по возрасту. Итак:

– Инна Витальевна, двадцать два года, окончила институт гостеприимства (Ох, – вздохнула я. – Чудны твои дела, Господи!). В фирме с момента основания. Ведёт финское направление. Хитрая, неглупая, но заиклена на собственном успехе. Эмоционально-нравственная сфера неразвита.

Тут я ее вспомнила – это была та самая девица с длинными волосами, что встретила меня в первый раз.

– Ирина Петровна, двадцати пяти лет, окончила университет профсоюзов. В фирме с момента основания. Турецкое направление. Инициативна, в общении прямолинейна, довольно искренна. Неравнодушна к мужчинам, деньгам и драгоценностям.

В памяти всплыла эффектная брюнетка с чуть грубоватыми чертами лица, что впрочем, ее не портило. Большие золотые кольца и обилие золота на руках и шее придавали ей некую цыганистость.

– Фания Фауйевна, тридцати семи лет. За плечами строительный техникум. В фирме с момента основания. Турецкое направление. Типичная рабочая лошадка. Идеал любого руководителя. Ничем не блещет, зато на неё можно положиться.

На мой взгляд, зря она сделала химию. Ей бы отпустить волосы чуть подлиннее, чтобы шею закрывали, да покрасить. А так, на маленькой головке – копна выцветших волос. Да и с косметикой бы не мешало подружиться.

– Софья Яковлевна, сорок один год. Десять классов. В фирме с момента основания. Финское направление. Неоднозначная женщина. Обладает задатками лидера. Очень развита волевая сфера.

В моем представлении именно так выглядели классные дамы в закрытых женских заведениях дореволюционной России. Царственная осанка, орлиный взгляд свысока, и ледяное спокойствие.

– Ольга Васильевна, пятьдесят два года, по образованию – фармацевт. В фирме с момента основания. Судя по тестам упрямства и наивности этой даме не занимать. Вот только подобное сочетание не желательно в одном флаконе. Впрочем, на профессионализме это не сказывается.

Довольно полная, молодящаяся дама. Она явно гордилась своими рубенсовскими формами и пыталась это подчеркнуть одеждой – эффект получался просто потрясающий.

М-да! Вот такое вот разнокалиберное воинство пинегинское. Если оценивать их в общем контексте, то опять-таки получалась любопытная картина. Весьма большая разница в возрасте, в темпераментах, интеллекте, допускали предположение о наличии в подобном коллективе конфликтов. Однако их не было! Отдельные нестыковки не в счёт. Можно подумать, я тестировала одну большую семью. Ерунда какая-то. Неужели они за истекших полтора года так притёрлись друг к другу, что стали прямо-таки образцом солидарности? Да быть такого не может.

Вот так службу мне задал Миша Черкасов. Очень интересная фирма «Палладин». У меня даже проснулся профессиональный интерес разгадать этот ребус. Что же так сцементировало восемь человек в один монолит?

Ладно, хватит, надо отдохнуть. Вот завтра, в воскресенье, съездим с Серёжкой и Наткой в ЦПКиО. Так хочется погулять по осеннему парку, подышать воздухом с залива ...

ГЛАВА 7

Следствие Джонсона:

«Никто не знает в действительности

что происходит в пределах подотчётной организации».

Мы никуда не поехали. А ведь какое настроение было волшебное, когда я проснулась. За окном солнце, на градуснике – шестнадцать в плюсе. Но только я приступила к дегустации кофе, сваренного Серёжкой, как в дверь позвонили. Поскольку я была в халате и не готова к приёму гостей, пошёл открывать, естественно, Верницкий.

Вскоре он вернулся с растерянным видом и, разводя руками, стал кивать в сторону темнеющего коридора:

– Тут, это... к нам пришли!

Ну, сколько раз ему говорить, чтобы включал свет, когда кто-нибудь заходит к нам в дом. Нет ведь, хоть кол на его голове теши.

Но тут из-за Серёжкиного плеча показалась полицейское кепи:

– Здравствуйте. Вот и настала пора познакомиться! Я ваш участковый. Капитан Зубаткин Олег Николаевич.

Сергей весь в растерянности, прошёл на кухню и поманил неожиданного гостя:

– Проходите, капитан. Садитесь.

Теперь я смогла рассмотреть гостя. Капитан был вида самого обыкновенного. Всё у него было усреднённое, начиная от возраста и роста, заканчивая общим впечатлением. Такой твёрдый троечник. И только серые глаза были несколько навывкате, но это явно из-за щитовидки. Ну и виски уже засеребрились вовсю.

Капитан присел на край диванчика и потянулся, чтобы погладить дремавшую рядом сиамскую. Я только открыла рот, чтобы его предупредить, как Кэри отреагировала на чужой запах. Она молниеносно цапнула руку представителя власти и отскочила, выгнув спину.

– Однако, – зашипел от боли визитёр и стал удивлённо смотреть на то, как из глубоких царапин пошла кровь.

Верницкий тут же отличился, схватил за шкирку бедную Кэри и вышвырнул ее в коридор со словами:

– У, тварь сиамская!

При посторонних я не стала объяснять супругу как следует обращаться с домашними животными, но эта выходка ему аукнется. Пока же я принялась оказывать первую медицинскую помощь. Так и состоялось наше знакомство с капитаном Зубаткиным. Когда суматоха улеглась, я поставила кофе для гостя и поинтересовалась, какая нужда привела его в нашу квартиру.

– Да вот служба. Давайте я уж заполню формуляр. А потом и поговорим.

С этими словами он вытащил из своей папки лист и стал заполнять его: кто в квартире реально живёт, где работает, ну и прочие вопросы в таком же духе.

Наконец, капитан закончил канцелярскую часть и, отдуваясь, откинулся на спинку:

– Тут ведь какое дело. Есть у меня хороший знакомый в Василеостровском РУВД. Мы с ним вчера пересекались по служебной надобности, вот он и попросил навеститься к вам. Не улавливаете?

Мы с Серёжкой переглянулись, но это не помогло понять, куда клонит капитан. Пришлось вновь вопросительно уставиться на Зубаткина.

– Ну, а адресок такой вам известен?

И он выложил листок, заполненный корявым почерком.

Я уже хотела сказать, что «Да, знаком», но вовремя спохватилась, что это может меня скомпрометировать. Хотя в чем именно, я бы затруднилась сказать. Но в любом случае сознаваться не стоило. Поэтому пришлось на ходу менять показания:

– Да-а-а... Нет! Нет, нет, нет! Не известен.

Верницкий вместе с гостем удивлённо на меня взглянули.

– А можно полюбопытствовать номер вашего телефона? – поинтересовался Зубаткин.

Сергей назвал, и капитан, сверившись со своими записями, удовлетворенно хмыкнул:

– Да, верно. Вот и попросили меня разобраться, что за странные звонки идут от вас на Васильевский остров? Вот, полюбопытствуйте.

И с этими словами он достал из папки какую-то распечатку. Сергей взял ее, повертел в руках и спросил:

– Что это?

– Это зафиксированные звонки с вашего телефона за вчерашнее число на указанный номер. Там проживают уважаемые люди. А от вас уже три дня идут непрерывные звонки. Причём, ничего не говорят. Сплошное, как отметил мой знакомый, безмолвие. Люди встревожились, обратились к моему приятелю, он ко мне. Я соответственно, к вам пришёл. Видите, сколько ненужных телодвижений. Итак, я открыл карты. А вы что в своё оправдание скажете?

– Откровенно говоря, я ничего не поняла, – созналась я. – Мы никому и никуда не звонили!

– Верю, верю, – покладисто замахал руками капитан. – Верю, Валерия Михайловна. Вот только что с вами познакомился и удивительнейшее дело, верю! Никогда никому не верил, а вам верю. У вас лицо такое, располагающее. Вот только как быть с фактами? Видите ли, в чем дело, мне же отчитаться надо, доложить так сказать по оперативным мероприятиям. Вы не звонили, хорошо. Но кто-то звонил? Скажем, может, у вас гости живут? Они развлекались по глупости – брали и звонили по разным номерам?

– У нас нет гостей, – угрюмо произнёс Серёжка.

– А дочка с подругами? – внёс новую версию Зубаткин.

И тут у меня в мозгу щёлкнуло. Натка! Больше некому. Она явно, услышав мои предположения, решила таким образом отплатить Спирохете за взрыв. Я аж вся вскипела от негодования. Ну, задам ей трёпку, только капитан уйдёт.

– Олег Николаевич? Я правильно запомнила? – он удовлетворенно кивнул, и я продолжила: – Давайте сделаем так. Вы свяжетесь со своим другом и скажете ему, что сигнал получен. Меры приняты (а в этом я вам ручаюсь). И больше никто беспокоить вас не будет.

– Нет, ну это конечно, можно, – протянул капитан. – Но вот как быть с испорченным воскресеньем? У меня планы определённые были, вместо этого пришлось к вам идти. Опять же, мне ведь убедить нужно своего друга, что больше никакого беспокойства не будет...

И он многозначительно посмотрел на меня, довольно верно определив, кто в доме хозяйин. Я намёк поняла правильно и, благо портмоне валялось на подоконнике, вытащила из него ассигнацию с изображением Ярослава. Честное слово, от сердца отрывала.

Серёжка так сощурился на меня, я подумала сейчас бросится и отнимет. Ничего, обошлось. Капитан, как само собой разумеющееся, принял от меня подношение и, спрятав в карман, удовлетворенно заявил:

– Должен сказать, Валерия Михайловна, что у вас разумное отношение к жизни. Очень было приятно познакомиться. Кстати, если надобность какая, так вы обращайтесь. Решим все вопросы, причём любовно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.